

В. И. ДАЛЬ

О ПОВЕРИЯХ,
СУЕВЕРИЯХ
И ПРЕДРАССУДКАХ
РУССКОГО НАРОДА

Владимир Иванович Даль

О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа

ВСТУПЛЕНИЕ

Шиллер сказал: "и в детской игре кроется иногда глубокий смысл" - а Шекспир: "и на небе и на земле есть еще много такого, чего мудрецы ваши не видывали и во сне". Это можно применить к загадочному предмету, о коем мы хотим поговорить. Дух сомнения составляет свойство добросовестного изыскателя; но само по себе и безусловно, качество сие бесплодно и даже губительно. Если к этому еще присоединится высокомерное презрение к предмету, нередко служащее личиной невежества особенного рода, - то сомнение, или неверие, очень часто бывает лицемерное. Большая часть тех, кои считают долгом приличия гласно и презрительно насмеяться надо всеми народными предрассудками, без разбора, - сами верят им втихомолку, или по крайней мере из предосторожности, на всякий случай, не выезжают со двора в понедельник и не здороваются через порог.

С другой стороны, если и смотреть на поверья народа, вообще, как на суеверие, то они не менее того заслуживают нашего внимания, как значительная частица народной жизни; это путы, кои, человек надел на себя - по своей ли вине, или по необходимости, по большому уму, или по глупости, - но в коих он должен жить и умереть, если не может стряхнуть их и быть свободным. Но где и когда можно или должно сделать то или другое, - этого нельзя определить, не разобрав во всей подробности смысла, источника, значения и силы каждого поверья. И самому глупому и вредному суеверию нельзя противодействовать, если не знаешь его и не знаком с духом и с бытом народа.

Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно *суеверием* или, по новейшему выражению, *предрассудком*. Между этими двумя словами разницы мало; предрассудок есть понятие более тесное и относится преимущественно к предостерегательным, суеверным правилам, что, как и когда делать или не делать. Из этого усматривается, еще в третьем значении, важность предмета, о коем мы говорим; он дает нам полную картину жизни и быта известного народа.

Не только у всех народов земного шара есть поверья и суеверия, но у многих они довольно схожи между собою, указывая на один общий источник и начало, которое может быть трех родов: или поверье, возникшее в древности, до разделения двух народов, сохранилось по преданию в обоих; или, родившись у одного народа, распространилось и на другие; или же наконец поверье, по свойству и отношениям своим к человеку, возникло тут и там независимо одно от другого. В этом отношении есть много ученых указаний у г. Снегирева. Сочинитель настоящей статьи ограничился одними только поверьями русского народа, или даже почти исключительно тем, что ему случилось собрать среди народа; посему статья эта вовсе не есть полное исследование этого предмета, а только небольшой сборник или собрание подручных в настоящее время запасов [Я с намерением не перечитывал теперь сочинений ни г. Снегирева, ни г. Сахарова. Я даю только сборник, запас, какой случился. Праздничных обрядов я мало касаюсь, потому что предмет этот обработан г. Снегиревым; а повторения того, что уже помещено в *Сказаниях* г. Сахарова, произошли случайно, из одного и того же источника. Я дополнил статью свою из одной только печатной книги: *Русские суеверия*, Чулкова, в которой впрочем весьма немного русского.]

Север наш искони славится преимущественно большим числом и разнообразием поверий и суеверий о кудесничестве разного рода. Едва ли большая часть этого не перешла к нам от чудских племен. Кудесники и знахари северной

полосы отличаются также злобою своею, и все рассказы о них носят на себе этот отпечаток. На юге видим более поэзии, более связных, сказочных и забавных преданий и суеверий, в коих злобные чернокнижники являются только как необходимая прикраса, для яркой противоположности. Нигде не услышите вы столько о порче, изурочении, как на Севере нашем; нигде нет столько затейливых и забавных рассказов, как на Юге.

Поверья местные, связанные с известными урочищами, курганами, городами, селами, городищами, озерами и проч., не могли войти в эту статью главнейше потому, что такое собрание вышло бы ныне еще слишком неполно и отрывочно. Если бы у нас много лет сряду занимались повсеместно сбором этих преданий, тогда только можно бы попытаться составить из них что-нибудь целое. Но предания эти гибнут невозвратно; их вытесняет суровая вещественность, - которая новых замысловатых преданий не рождает.

Все на свете легче осмеять, чем основательно опровергнуть, иногда даже легче, нежели дать ему веру. Подробное, добросовестное разбирательство, сколько в каком поверье есть или могло быть некогда смысла, на чем оно основано и какую ему теперь должно дать цену и где указать место - это не легко. Едва ли однако же можно допустить, чтобы поверье, пережившее тысячелетия и принятое миллионами людей за истину, было изобретено и пущено на ветер, без всякого смысла и толка. Коли есть поверья, рожденные одним только праздным вымыслом, то их очень немного; - и даже у этих поверий есть, по крайней мере, какой-нибудь источник, например: молодцевание умников или бойких над смиренными; старание поработить умы самым сильным средством - общественным мнением, против которого слишком трудно спорить.

У нас есть поверья - остаток или памятник язычества; они держатся потому только, что привычка обращается в природу, а отмена старого обычая всегда и везде встречала сопротивление. Сюда же можно причислить все поверья русского баснословия, которое, по всей вероятности, в связи с отдаленными временами язычества. Другие поверья придуманы случайно, для того, чтобы заставить малого и глупого, окольным путем, делать или не делать того, чего от него прямым путем добиться было бы гораздо труднее. Застращав и поработив умы, можно заставить их повиноваться, тогда как пространные рассуждения и доказательства ни малого, ни глупого, не убедят и, во всяком случае, допускают докучливые опровержения.

Поверья третьего разряда, в сущности своей, основаны на деле, на опытах и замечаниях; поэтому их неправильно называют суевериями; они верны и справедливы, составляют опытную мудрость народа, а потому знать их и сообразоваться с ними полезно. Эти поверья бесспорно должны быть все объяснимы из общих законов природы: но некоторые представляются до времени странными и темными.

Засим непосредственно следуют поверья, основанные также в сущности своей, на явлениях естественных, но обратившиеся в нелепость по бессмысленному их применению к частным случаям.

Пятого разряда поверья изображают дух времени, игру воображения, иносказания - словом, это народная поэзия, которая, будучи принята за наличную монету, обращается в суеверие.

К шестому разряду, наконец, должно причесть - может быть только до поры до времени - небольшое число таких поверий, в коих мы не можем добиться никакого смысла. Или он был утрачен по изменившимся житейским обычаям или вследствие искажений самого поверья, или же мы не довольно исследовали дело, или, наконец, может быть в нем смыслу нет и не бывало. Но как всякая вещь требует объяснения, то и должно заметить, что такие вздорные, уродливые поверья произвели на свет, как замечено выше, или умничанье, желание знать более других и указывать им, как и что делать, - или пытливый, любознательный ум простолюдина, доискивающийся причин непонятого ему явления; эти же поверья нередко служат извинением, оправданием и утешением в случаях, где более не к чему прибегнуть. С другой стороны, может быть, некоторые бессмысленные поверья изобретены были также и

с тою только целью, чтобы, пользуясь легковерием других, жить на чужой счет. Этого разряда поверья можно бы назвать мошенническими.

Само собою разумеется, что разряды эти на деле не всегда можно так положительно разграничить; есть переходы, а многие поверья без сомнения можно причислить и к тому и к другому разряду; опять иные упомянуты у нас, по связи своей с другим поверьем, в одном разряде, тогда как они в сущности принадлежат к другому. Так, например, все лицедеи нашего баснословия принадлежат и к остаткам язычества, и к разряду вымыслов пиитических, и к крайнему убежищу невежества, которое не менее, как и самое просвещение, хотя и другим путем, ищет объяснения непостижимому и причины непонятных действий. Лица эти живут и держатся в воображении народном частью потому, что в быту простолюдина, основанном на трудах и усилиях телесных, на жизни суровой, - мало пищи для духа; а как дух этот не может жить в бездействии, хотя он и усыплен невежеством, то он и уносится, посредством мечты и воображения, за пределы здешнего мира. Не менее того пытливый разум, изыскивая и не находя причины различных явлений, в особенности бедствий и несчастий, также прибегает к помощи досужего воображения, олицетворяет силы природы в каждом их проявлении, сваливает все на эти лица, на коих нет ни суда, ни расправы, - и на душе как будто легче.

Вопрос, откуда взялись баснословы лица, о коих мы хотим теперь говорить - возникал и в самом народе: это доказывается сказками об этом предмете, придуманными там же, где в ходу эти поверья. Домовой, водяной, леший, ведьма и проч. не представляют собственно нечистую силу; но, по мнению народа, созданы ею, или обращены из людей, за грехи или провинности. По мнению иных, падшие ангелы, спрятавшиеся под траву *прострел*, поражены были громовою стрелою, которая пронзила ствол этой травы, употребляемой по этому поводу для залечения ран - и низвергла падших духов на землю; здесь они рассыпались по лесам, полям и водам и населили их. Все подобные сказки явным образом изобретены были уже в позднейшие времена; может быть, древнее их мнение, будто помянутые лица созданы были нечистым для услуг ему и для искушения человека; но что домовой, например, который вообще добродетельнее прочих, отложился от сатаны - или, как народ выражается, от черта отстал, а к людям не пристал.

I. ДОМОВОЙ

Домовой, домовик, дедушка, старик, постен или постень, также лизун, когда живет в подполье с мышами, - а в Сибири *суседко*, - принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. Косматые подошвы выказываются иногда зимой, по следу, подле конюшни; а что ладони у домового также в шерсти, то это знает всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шерстит, а ногти длинные, холодные. Домовой по ночам иногда щиплет, отчего остаются синяки, которые однако обыкновенно не болят; он делает это тогда только, когда человек спит глубоким сном. Это поверье весьма естественно объясняется тем, что люди иногда, в работе или хозяйстве, незаметно зашибаются, забывают потом об этом, и, увидев через день или более синяк, удивляются ему и приписывают его домовому. Иные, впрочем, если могут опаматоваться, спрашивают домового, когда он щиплет: любя или не любя? к добру или к худу? и устаиваются ответа, а именно: домовой плачет или смеется; гладит мохнатой рукой, или продолжает зло щипаться; выберит или скажет ласковое слово. Но домовой говорит очень редко; он гладит мохнатой рукой к богатству, теплой к добру вообще, холодной или шершавой, как щетка, к худу. Иногда домовой просто толкает ночью, будит, если хочет

уведомить о чем хозяина, и на вопрос: что доброго? предвещает теми же знаками, добро или худо. Случается слышать, как люди хвалятся, что домовый погладил их такой мягкой ручкой, как собольим мехом. Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит, или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невзлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет. Услуга его бывает такая, что он чистит, метет, скребет и прибирает по ночам в доме, где что случится; особенно он охоч до лошадей: чистит их скребницей, гладит, холит, заплетает гривы и хвосты, подстригает уши и щетки; иногда он сядет ночью на коня и задает конец, другой по селу. Случается, что кучер или стремянный сердятся на домового, когда барин бранит их за то, что лошадь ездой или побезжкой испорчена; они уверяют тогда, что домовый наездил так лошадь и не хуже цыгана сбил рысь на иноходь или в три ноги. Если же лошадь ему не полюбится, то он обижает ее: не дает есть, ухватит за уши, да и мотает голову; лошадь бьется всю ночь, топчет и храпит; он свивает гриву в колтун и, хоть день за день расчесывай, он ночью опять собьет хуже прежнего, лучше не тронь. Это поверье основано на том, что у лошади, особенно коли она на плохом корму и не в холе, действительно иногда образуется колтун, который остригать опасно, а расчесать невозможно. Если домовый сядет на лошадь, которую не любит, то приведет ее к утру всю в мыле, и вскоре лошадь спадет с тела. Такая лошадь пришлась *не по двору*, и ее непременно должно сбыть. Если же очень осерчает, так перешибет у нее зад либо протащит ее бедную в подворотню, вертит и мотает ее в стойле, забьет под ясли, даже иногда закинет ее в ясли кверху ногами. Нередко он ставит ее и в стойло занузданную, и иному барину самому удавалось это видеть, если рано пойдет на конюшню, когда еще кучер, после ночной погулки, не успел проспать и опохмелиться. Ясно, что все поверья эти принадлежат именно к числу мошеннических и служат в пользу кучеров. Так напр., кучер требовал однажды от барина, чтобы непременно обменять лошадь на другую, у знакомого барышника, уверяя, что эту лошадь держать нельзя, ее домовый невзлюбил и изведет. Когда же барин, несмотря на все явные доводы и попытки кучера, не согласился, а кучеру не хотелось потерять обещанные могогарычи, то лошадь точно, наконец, взбесилась вовсе, не вынеся мук домового, и околела. Кучер насыпал ей несколько дроби в ухо; а как у лошади ушной проход устроен таким изворотом, что дробь эта не может высыпаться обратно, то бедное животное и должно было пасть жертвою злобы мнимого домового. Домовой любит особенно вороных и серых лошадей, а чаще всего обижает соловых и буланых.

Домовой вообще хозяйничает исключительно по ночам; а где бывает днем, это неизвестно. Иногда он забавляется, как всякий знает, вскочив сонному коленями на грудь и, принявшись, ни с того, ни с сего, душить человека; у других народов есть для этого припадка название алец, кошмар, а у нас нет другого, как домовый душил. Он впрочем, всегда отпускает душу на покаяние и никогда не душит насмерть. При этом домовый иногда бранится чисто по-русски, без зазрения совести; голос его грубый, суровый и глухой, как будто раздается вдруг с разных сторон. Когда он душит, то отогнать его можно только такую же русскою бранью; - кто может в это время произнести ее, того он сей же час покидает, и это верно: если в сем припадке удушья сможешь заговорить, бранное или небранное, то всегда опомнишься и можешь встать. Иные и в это время также спрашивают: к добру или к худу? и дедушка завывает глухо: к ху-у-ду! Вообще, он более знается с мужчинами, но иногда проказит и с бабами, особенно если они крикливы и бестолковы. Расхаживая по дому, он шаркает, топает, стучит, гремит, хлопает дверьми, бросает, чем попало, со страшным стуком; но никогда не попадает в человека; он иногда подымает где-нибудь такую возню, что хоть беги без оглядки. Это бывает только ночью, в подполье, в клетке, сенях, чулане, в порожней половине, или на чердаке; иногда он стаскивает и сваливает ворохом все, что попадет. Перед смертью хозяина он садится иногда на его место, работает его работу, надевает его шапку; поэтому, вообще, увидеть домового в шапке - самый дурной знак. Перебираясь в новый дом, должно, перекрестившись в красном углу, оборотиться к дверям и сказать: "хозяин домовый, пойдем со мной в дом." Коли ему полюбится житье, то станет жить смирно

и ходить около лошадей; а нет, так станет проказить. Голоса его почти никогда не услышишь, разве выбранит кого-нибудь, или зааукает на дворе, либо станет дразнить лошадей, заржав по-кониному. Следы проказ его нередко видны и днем: например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с дровка и надеты на рога ухвата, а утварь сиделая, столы, скамьи, стулья переломаны, либо свалены все в одну кучу. Замечательно, что домовый не любит зеркала; иные даже полагают, что его можно выкурить этим средством из такой комнаты, где он много проказит. Но он положительно не терпит сорок, даже мертвых, почему и полезно подвешивать на конюшне убитую сороку. В каких он сношениях с козлом, неизвестно; но козел на конюшне также удаляет или задабривает домового. В этом поверье нет однако же связи с тем, что козел служит ведьме; по крайней мере никто не видал, чтобы домовый ездил на козле. Иные объясняют поверье это так: лошади потеют и болят, если в конюшне водится ласочка, которая в свою очередь будто не любит козла и от него уходит.

В иных местах никто не произнесет имени домового, и от этого обычая не поминать или не называть того, чего боишься, как напр. лихорадку, - домовый получил столько иносказательных кличек, в том числе почетное звание дедушки. В некоторых местах дают ему свойство оборотня и говорят, что он катится иногда комом снега, клочком сена, или бежит собакой.

Для робких, домовый бывает всюду, где только ночью что-нибудь скрипнет или стукнет; потому что и домовый, как все духи, видения и привидения, ходит только в ночи, и особенно пред светом; но, кажется, что домовый не стесняется первым криком петуха, как большая часть прочих духов и видений. Для недогадливых и невежд, домовый служит объяснением разных непонятных явлений, оканчивая докучливые опросы и толки. А сколько раз плуты пользовались и будут пользоваться покровительством домового! Кучера, под именем его, катаются всю ночь напролет и заганивают лошадей, или воруют и продают овес, уверяя, что домовый замылил лошадь или не дает ей есть; а чтобы выжить постылого постояльца или соседа, плутоватый хозяин не раз уже ночи три или четыре напролет возился на чердаке в сенах и конюшне и достигал иногда цели своей. Нередко впрочем и случайные обстоятельства поддерживают суеверие о домовом. Во время последней польской войны, наш эскадрон стоял в известном замке, в Пулаве, и домовый стал выживать незваных постояльцев: в продолжение всей ночи в замке, особенно в комнате, занятой нашими офицерами, подымался такой страшный стук, что нельзя было уснуть; а между тем самые тщательные разыскания ничего не могли открыть, нельзя было даже определить с точностью, где, в каком углу или месте домовый возится, - хотя стук был слышен каждому. Плутоватый кастелян пожимал плечами и уверял, что это всегда бывает в отсутствие хозяина, которого домовый любит и уважает, и при нем ведет себя благочинно. Случайно открылось, однако же, что домовый иногда и без хозяина успокаивался и что это именно случалось тогда, когда лошади не ночевали на конюшне. Сделали несколько опытов, и дело объяснилось: конюшня была через двор; не менее того, однако же, в одной из комнат замка пришлась как-то акустическая точка, относительно этой конюшни, и топот лошадей раздавался в ней так звучно, что казалось, будто стук этот выходит из подполья или из стен. Открытие это кастеляну было очень не по вкусу.

В народе есть поверье о том, как и где домового можно увидеть глазами, если непременно захотеть: должно выскать (скатать) такую свечу, которой бы стало, чтобы с нею простоять в страстную пятницу у страстей, а в субботу и в воскресенье у заутрени; тогда между заутрени и обедни, в светлое воскресенье, зажечь свечу эту и идти с нею домой, прямо в хлев или коровник: там увидишь дедушку, который сидит, притаившись в углу, и не смеет тронуться с места. Тут можно с ним и поговорить.

II. ЗНАХАРЬ И ЗНАХАРКА

Знахарь и знахарка - есть ныне самое обыкновенное название для таких людей, кои слизывают от глаза, снимают всякую порчу, угадывают о пропажах и проч. *Колдун, колдунья, ведун и ведунья* встречаются реже и должны уже непременно знаться с нечистой силой, тогда как знахарь, согласно поверью, может ходить во страхе Божиим и прибегать к помощи креста и молитвы. *Волхв* означает то же, что колдун, но слово это в народе не употребительно; даже о *колдуне* или колдунье слышно уже более в сказках; *кудесники* и *доки* местами тоже известны, более на севере, и означают почти то же, что колдун. *Ворожея, ворожка* относится собственно к гаданию разными способами, не включает в себе условие чернокнижия, но и не исключает его положительно, почему и говорится: я не колдун, да отгадчик - то есть, знаясь с бесом, умею отгадывать. Кроме общеизвестных способов гадания на картах, на кофейной гуще, на руке, на воску, или на вылитом в воде яйце, или топленом свинце, на бобах - отчего родилась поговорка: беду на бобах развести, - есть также гадания по священным книгам, суеверие, выходящее ныне уже из употребления. Гадают также, повесив на веревочку решето и псалтырь, причем то или другое должно перевернуться, если назовут имя виновного.

Несколько лет тому назад один кучер, подозревавший товарища своего, денщика, в воровстве, потребовал, чтобы этот шел с ним к ворожее, жившей у триумфальных ворот, по Петергофской дороге. Пришли, ворожея еще спала; кучер просидел с денщиком за воротами около часу, потом пошел справиться, не пора ли? Говорят: можно. Он возвращается, зовет товарища - но его нет, и нет по сей день. Струсив ворожеи, при нечистой совести, он бежал и пропал без вести. Для такой же острастки кладут на столе заряженное ружье и велят всем целовать его в дуло, уверяя, что оно вора убьет. Кто боится этого и виноват, тот признается, или, по крайности, откажется, под каким-нибудь предлогом, от целования ружья.

Святочные гаданья, представляющие более игры - также нередко принимаются в прямом значении, и суеверные им верят: строят из лучин над чашкой воды мостик и ставят его под кровать - суженый приснится и поведет по мосту; кладут гребень под подушку, суженый-ряженный почешется и оставит волосок; ставят два прибора, в бане, девушка садится о полуночи, и суженый является ужинать; ставят зеркало и две свечи, девушка сидит перед ним и должна увидеть суженого; бросают башмачок за ворота, куда ляжет носком, туда идти девушке; кормят курицу счетным зерном, насыпают перед каждым гостем овес, пускают петуха, и к кому он подойдет, тому идти замуж или жениться; накрывают приборы, по числу гостей, и подкладывают разные вещи - что кому придется; девушка выходит за ворота и спрашивает имя первого прохожего - так будут звать жениха ее; подслушивают под окнами - и из этого выводят заключения; выливают олово, свинец, воск и проч.

Гадания гороскопические, со времени познания истинной планетной системы и течения миров, сами собой потеряли всякую цену. Не отвергая связи между землею с ее жителями и между планетами, луной и солнцем, - невозможно, однако же, допустить какую-либо зависимость собственно судьбы или участи каждого из людей от взаимного *стояния* или *сосложения* земли нашей и других небесных тел. Тут нельзя найти и тени смысла.

Обо всех поименованных нами выше лицах, ворожеях и колдунах, ходит столько чудес по белу свету, что они всякому известны. Если какая-нибудь Ленорман могла дурачить в нынешнем веке весь Париж, в течение десятков лет, и оставить после себя огромное состояние, то нет ничего мудреного, что крестьяне наши, а иногда, может быть, и какое-либо иное сословие, наклеиваются на эту же удочку. Иногда обман чрезвычайно прост и не менее того для тех, до кого относится, навсегда остается загадкой. Офицер, будучи на съемке, заступился за хозяина своего, у которого ночью были украдены деньги. Весьма основательное подозрение падало на Карпа, которого, однако ж, нельзя было уличить и заставить сознаться. Офицер собрал мужиков в одну избу, объявив им, что у него есть волшебная стрелка, которая во всякой толпе отыщет вора и прямо на него укажет. Заставив всех мужиков наперед перекреститься, сложить шапки в кучу и повернуться по солнцу, он

расставил их в избе, как ему нужно было, каждого порознь, вынул и раскрыл с разными околичностями компас свой, развертел пальцем стрелку, и потом дал ей свободу; со страхом и ожиданием мужики глядели на волшебную стрелку, которая, к бесконечному изумлению их, указала прямо на Карпа, поставленного, как само собою разумеется, на север. Карп едва не обмер, пал в ноги и повинулся. Надобно, впрочем, сознаться, что из посвятивших себя этому промыслу людей попадаются люди необыкновенные по способностям своим, и что некоторые, действуя иногда чисто наугад, по темному, безотчетному чутью или чувству, нередко угадывают истину. Бесспорно, что ложь и обман гораздо чаще ими руководят; но сила воли, навык обращать все внимание свое на один предмет, сосредотачивать напряженные духовные силы по одному направлению, может быть и способность смекать, соображать и заключать мгновенно, бессознательно, как бы по вдохновению - возвышают людей этих временно над толпою и дают им средство угадывать и знать более обыкновенного. Впрочем, не говоря здесь об уловках, коими хитрые знахари, ворожеи и другие всезнайки пользуются, - выпрашивая осторожно, окольными вопросами о том, о чем нужно гадать, узнавая о том же через лазутчиков своих, или посторонних людей, - знахари всех наименований иногда еще пользуются известными им по преданию тайными средствами, снадобьями и зельями разного рода, и тем производят мнимые чудеса. Примеры этому встретятся ниже, где, по случаю разных тайных поверьев, кой-что будет объяснено. Колдуны употребляют, так говорят, сушеное волчье сердце, или медвежье мясо или сало, чтобы испортить поезд молодых, на свадьбах; лошади, весьма естественно, боятся этого духа и потому артачатся, не идут; тогда все кланяются знахарю, дарят его, зовут на свадьбу, потчуют - и он исправляет беду, не знаю какими средствами; но смешно и досадно видеть, с какою глупою важностью такой знахарь сидит в подобном случае, не ломая шапки, на первом месте свадебного стола. Одного такого знахаря умный гость прекрасно наказал за наглость и бесстыдство его. Пospорив с ним, он вызвался, по предложению знахаря, выпить ковш наговорной воды, и, исполнив это при всех, сказал: ну теперь ты выпей моей водицы, из того же ковша и ведра. Знахарю нельзя было отказать, так как он слишком много наперед того хвастал и хвалился, что ему никто ничего не может сделать. Гость зачерпнул в ковш воды и, отошедши в темный угол нашептывать, бросил в ковш порядочную щепоть табаку. Несчастный знахарь провалялся в самом жалком положении всю ночь на соломе, к общему удовольствию поезжан, и свадьба была отпразднована как нельзя лучше.

Удивительно, до какой степени слепая уверенность морочит людей: народ не только верит, что знахарь портит свадьбу, испортив жениха, или изноровив лошадей так, что поезд не может тронуться с места, или даже оборотив всех поезжан в собак или волков; но многие расскажут вам, как очевидцы, добросовестно и в полном убеждении, случай вроде следующего: я ехал однажды с работником, говорил зажиточный крестьянин, за которым кой-что водилось. Мы случайно подъехали в деревне к свадьбе, и он попросил меня остановиться, уверяя, что тут должен быть недобрый человек, который хочет свадьбу испортить, а потому-де его надо наказать. Только что работник мой вошел в избу, как оттуда вышел препоганый мужичишка и, подошед к воротам, принялся грызть зубами столб. Кровь льет изо рта, а он все грызет; наконец работник мой вышел, а мужик взмолился ему; тогда тот, погрозившись на него пальцем, сказал: ну, на этот раз ступай, Бог с тобой; да смотри, вперед не шали. Мужик поклонился ему, утерся рукавом и пошел. В Сибири какая-то трава, прикрыт или прикрыш, избавляет молодых от всякой порчи.

О знахарях и колдунах говорится, что, не отказав никому своего ремесла, они мучатся, не могут умереть и даже встают от этого после смерти. Надо выкопать такого мертвеца, перевернуть его ничком, подрезать пятки и вколотить между лопаток осиновый кол. Если предавшийся чернокнижию не найдет во всякое время немедленно работы чертям, кои являются к услугам его, то они его растерзают. Не знаю, впрочем, справедливо ли, будто всегда предполагается у колдуна черная книга; кажется, дело делается, по народному поверью, и без книги. Общую многим народам сказку, что кудесники иногда дают дьяволу расписку кровью своею,

продавая ему душу, находим мы и в России, но более на юге и на западе.

О колдунах народ верит также, что они *отводят глаза*, т.е. напускают такую мару или мороку, что никто не видит того, что есть, а все видят то, чего вовсе нет. Например: едут мужики на торг и видят толпу, обступившую цыган, из которых один, как народ уверяет вновь прибывших, пролезает насквозь бревна, во всю длину его, так что бревно трещит, а он лезет! Вновь прибывшие, на которых не было напущено мары, стали смеяться над толпой, уверяя, что цыган лезет подле бревна, а не сквозь него; тогда цыган, оборотившись к ним, сказал: а вы чего не видали тут? Поглядите лучше на возы свои, у вас сено-то горит! Мужики кинулись, сено точно горит; отхватили на скорую руку лошадей, перерезав упряжь, а толпа над ними во все горло хохочет; оглянулись опять - возы стоят, как стояли, и не думали гореть.

Упомяну здесь еще о заговоре змей: мне самому не удалось испытать этого на деле, но уверяют, что ясеневое дерево, кора, лист и зола смиряют всякую змею, лишают ее возможности кусаться и даже повергают вроде оцепенения. Ясеневая тросточка, или платье, или платок, вымоченные в отваре ясеневой коры, или в настое золы, также веточка этого дерева, действуют, как говорят, на змею, в расстоянии нескольких шагов, и гадина подпадает власти знахаря. Я вспомнил при этом, что читал подобное в каком-то путешествии Англичанина по Индии: там было именно сказано, что Индеец касался змеи веткою ясени.

Предоставляю на усмотрение и убеждение читателя, сколько во всех чудесах этих можно или, нельзя объяснить, приняв за известного двигателя и деятеля ту таинственную силу, которую ученые называют животным магнетизмом. Об этом будем говорить по поводу сглаза.

III. КЛИКУШЕСТВО И ГАДАНЬЕ

Нельзя не упомянуть здесь кстати мимоходом о *миряке* и *кликуше*. Есть поговорка: просватать миряка за кликушу, это значит свести вместе такую пару, которая друг друга стоит, такую ровню, где оба никуда не годятся. Кликуша известна почти во всей России, хотя теперь проказницы эти уже довольно редки; это, по народному поверью, юродивые, одержимые бесом, кои, по старинному обычаю, показывают штуки свои преимущественно по воскресеньям, на погосте или паперти церковной. Они мечутся, падают, подкатывают очи под лоб, кричат и вопят не своим голосом; уверяют, что в них вошло сто бесов, кои гложут у них животы, и проч. Болезнь эта пристаёт от одной бабы к другим, и где есть одна кликуша, там вскоре показывается их несколько. Другими словами, они друг у друга перенимают эти проказы, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающего кликушу и нередко снабжающего ее из сострадания деньгами. Кликуша, большею частию, бывает какая-нибудь бездомная вдова, рассорившаяся с мужем, дурного поведения жена, или промотавшаяся со стороны нищая. Есть глупые кликуши, которые только режут и вопят до корчи и пены на устах; есть и более ловкие, кои пророчествуют о гневном Божием и скором преставлении света. Покуда на селе одна только кликуша - можно смолчать, потому что иногда это бывает баба в падучей болезни; но коль скоро появится другая, или третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу, перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет. Средство это весьма не дурно, если бы даже это был род падучей болезни, которая так легко сообщается другим: один из знаменитейших врачей прошлого века прекратил этим же или подобным зельем распространение падучей в одном девичьем пансионе, где внезапно большая часть учениц, одна подле другой, впадали от испуга и переимчивости в эту болезнь. Страх действует в таком случае благотворительно на нервы и мозг.

Миряк - почти то же между мужчинами, что в бабах кликуша: это также одержимый бесом, который кричит, ломается, неистовствует и обыкновенно объясняется голосом того или другого зверя или вообще животного. Миряки в

особенности появляются в Сибири, и по мнению некоторых, происходят от языческих шаманов.

Поверья об *огненных змиях*, почитаемых злыми духами мужеска пола, основаны, вероятно, на явлении метеоров, сопровождаемом огнем и треском. В особенности народ полагает, что змеи эти летают к женщинам, с коими дружатся и коротко знают. Такие девки или бабы обыкновенно худеют, спадают с тела и почитаются нечистыми, а иногда и ведьмами. Сказки об этом сохранились у нас издревле, и богатырь Тугарин Змеевич и Краса Зилантовна [зилан - по-татарски змея] суть исчадия такой четы, родившейся в диком воображении народа. Сказки об огненных змиях разного рода, о змиях трехглавых, двенадцатиглавых и проч., сохранились, именно только как сказки, составляя или шутку, или преданье старины - все это было, да былшем поросло, а ныне таких чудес нет.

Ворожба и гадания, снотолкования, а затем и *заговоры* - принадлежат более к последнему из принятых нами разрядов, т. е. к таким поверьям, к коим прибегает в отчаянии бедствующий, чтобы найти хотя какую-нибудь мнимую отраду, чтобы успокоить себя надеждой. Это иногда можно сравнить с мнимой помощью, подаваемою лежащему на смертном одре, в полном убеждении, что помощь эта ни к чему не послужит; а между тем, нельзя же оставаться при страдальце в бездействии, надобно, по крайней, мере, в успокоение совести своей и для удовлетворения общего требования, делать, что люди велят, - тогда хоть можно сказать впоследствии: что только можно было придумать - все делали. Иногда, впрочем, суеверия эти служат только шуткой, забавой и смешиваются с играми и обрядами. Между тем ворожба, гаданья и заговоры до того близки к житью-бытью колдунов, знахарей и ведьм, что здесь будет удобнее поговорить об этом предмете.

Самая сбыточность или возможность ворожбы, гаданий и снотолкований, основанных не на обмане и суеверии, может быть допущена только в виде весьма редких исключений, а именно: в тех только чрезвычайных, выходящих из ряду случаев, где мы должны признать временное возвышение души человеческой над обыкновенным, вседневным миром, и где человек сам собою (болезненно) или искусственно (при магнетизировании) входит в особенное, малоизвестное нам доселе магнетическое состояние. Несмотря на бесчисленное множество случаев и примеров, где, при подробном розыскании, или случайно, был открыт подлог, обман или ошибка - в наше время уже нельзя отвергать вовсе чудес животного магнетизма; но вопрос состоит в том, до какой степени чудеса эти могут деяться, и где предел их, за коим следует бесконечная степь, - скрытая под маревом сказочных видений тысячи и одной ночи? Осторожность обязывает нас, не отрицая положительно всех чудес этих, верить тому только, в чем случай и опыт нас достаточно убедят; а сверх того, еще убеждаться с крайнею осмотрительностью, зная уже, что в этом деле бывало доселе несравненно более ошибок, недоразумений, умышленных и неумышленных обманов, чем истины. Не худо, кажется, во всяком случае рассудить также следующее: Если и допустить, что душа может иногда находиться в положении или состоянии ясновидения, то и тогда она могла бы видеть одно только прошедшее и настоящее, - но не будущее, которого еще нет; другими словами, предложив, что душа наша иногда может быть превыше *пространства*, никоим образом нельзя допустить, чтобы она могла быть также превыше *времени*, по крайней мере, относительно будущего. Тогда должно бы верить в судьбу, в неотвратимый рок язычества и мусульманства. Тогда не было бы на свете ни добра, ни худа, ни добродетели, ни пороков, а все шло бы только вперед установленным порядком. Этому я верить не могу; я верю в судьбу другого рода: в неминуемые, неизбежные последствия известного сочетания обстоятельств и действий; даны премудрые, вековечные законы природы, дана человеку свободная воля и рассудок - все остальное есть судьба, образуемая из последствий действий того и другого. На таком только основании можно допустить ясновидение - где оно несомненно будет доказано на деле. Перейдем теперь опять к своему предмету.

Вообще, всякое решение, посредством ворожбы, заключает в себе: или простую ложь, сказанную наудачу; или ловкое изречение, по примеру древних оракулов,

допускающее произвольное толкование; или такие сведения по предложенному вопросу, коих никто не мог предполагать в ворожее; или соображения, догадку более или менее основательную; или, наконец, бессознательное соображение и сочетание обстоятельств и условий, называемое ясновидением. Но, повторяем, последнее всегда почти крайне сомнительно и едва ли может быть наемно или продажно; сами даже ясновидящие весьма нередко бредят, как в горячке, и не могут отличить правды от лжи.

О снотолкованиях должно сказать почти то же; предоставляем всякому судить, по собственному убеждению, о возможности предвещательных снов, кои могут рождаться у сонного ясновидящего, как и наяву; обыкновенные же грезы, как всякому известно, бывают следствием думы, действий и беседы в продолжение дня, или же происходят от причин физических: от прилива крови или давления на известные части мозга, из коих каждая, бесспорно, имеет свое назначение. Связь эту и последствия ее каждый сам легко может испытать: изучите немного черепословие, дайте приятелю покрепче заснуть и начните осторожно нажимать пальцем - хоть например орган музыки; продолжайте, усиливая давление, до просыпа спящего; тогда спросите его, что ему грезилось? и вы услышите, к удивлению своему, что ему снилось что-нибудь весьма близкое к предмету этого органа. Это доказывает, что физическое влияние разного рода, зависящее от сотни случайных обстоятельств, рождает сон того или другого рода, изменяемый и дополняемый настроением души, - а мы ищем в сих случайностях будущую свою судьбу.

О кудесничестве, чарах, гадании разного рода, - сошлюсь на книгу Сахарова, не желая повторять однажды напечатанное.

IV. ЗАГОВОРЫ

Заговоры - которые у нас обыкновенно совершаются с молитвой, потому что народ наш страшится чернокнижия, - хотя изредка есть люди, коим невежество народа приписывает связи с нечистым - заговоры составляют для меня самый загадочный предмет между всеми поверьями и суевериями; я признаюсь, что неохотно приступаю теперь к речи об нем, чувствуя наперед недостаточность, неполноту сведений моих и убеждений. Всякому, кто займется подобным исследованием на деле, легко убедиться, что тут кроется не один только обман, а еще что-нибудь другое. Если самый способ действия признать обманом, потому что убеждение наше отказывается верить тому, в чем мы не видим ни малейшего следа, смысла - то все еще остается решить, какие же именно невидимые нами средства производят видимые нами действия? Будем стараться, при всяком удобном случае, разыскивать и разъяснять их; по мере этих разъяснений, мнимые чудеса будут переходить из области заговоров в область естественных наук, и мы просветимся. Уже этой одной причины, кажется, достаточно для того, чтобы не пренебрегать, как обыкновенно делают, сим предметом; жаль, что ученые испытатели природы, копясь по целым годам над каплею гнилого настоя и отыскивая в ней микроскопических наливняков, не посвятят средств и сил своих сему более общему и важному предмету, о коем они, не зная его вовсе, по одному только предубеждению относятся презрительно.

Заговоры, в том виде, как они иногда с большим трудом достаются в наши руки, состоят в нескольких таинственных по смыслу словах, коих образцы можно видеть в издании г. Сахарова. Ниже приложено несколько из мною собранных, для примера. В них то общее, что после обычного вступления, в коем крестятся, благословляются, поминают море-океан, бел-горюч-камень алатырь и пр., следует первая половина заговора, состоящая из какого-то странного иносказания или примера, взятого, по-видимому, весьма некстати, из дальних и неведомых стран; а затем уже заговорщик обращается собственно к своему предмету или частному случаю, применяя первое, сколько можно, ко второму и оканчивая заклинание свое выражением: слово мое крепко, быть по-моему, или аминь. Мы видим в заговорах,

вообще, невежественное смешение духовных и мирских - святых и суеверных понятий. Невежеству народа, простоте его, а не злонамеренности, должно приписать такое суесвятство и кощунство. Таковы заговоры любовные, заговоры от укушения змеи или собаки, от поруба или кровотечения, от ружья или пули, от огня или пожара и проч. - Есть еще особый род заговоров, соединяющих в себе молитву и заклятие; сюда, напр., принадлежит заговор *идучи на суд*, где заговорщик испрашивает себе всех благ, а на противников своих и неправедных судей накликает все возможные бедствия. Я очень жалею, что этот замечательный образчик смеси черного и белого, тьмы и света, не может быть здесь помещен, и что вообще нельзя отыскать о сем предмете все то, что было бы необходимо, для некоторого разъяснения его.

Собственно в болтовне заговора, конечно, не может быть никакого смысла и значения, как, по-видимому, и сам народ утверждает пословицами и поговорками своими: язык без костей - мелет; собака лает, ветер носит; криком изба не рубится; хоть чертом зови, да хлебом корми и проч. Это подтверждается еще и тем, что на один и тот же случай есть множество различных, но, по мнению народа, равносильных заговоров. Но народ при всем том верит, что кто умеет произнести заговор как следует, не только языком, но и душой, соблюдая притом все установленные для сего, по таинственному преданию, приемы и условия, тот успеет в своем деле. Стало быть, народ верит в таинственную силу воли, в действие духа на дух, на незримые по себе и неведомые силы природы, которые, однако же, обнаруживаются затем в явлениях вещественных, доступных нашим чувствам. Нельзя не сознаться, что это с одной стороны свыше понятий наших, может быть даже противно тому, что мы привыкли называть здравым смыслом, - но что это в сущности есть то же самое явление, которое, несколько в ином виде, ученые наши прозвали животным магнетизмом. Все это отнюдь не служит ни доказательством, ни объяснением, а так сказать одним только намеком и предостережением.

Передать силу заговора можно, по народному поверью, только младшему летам; обнаружив заговор гласно, сам лишаешься способности заговаривать, а будешь молоть одни бессильные слова; у заговорщика, во многих случаях, должны быть непременно все зубы целы, иначе он заговаривать не может; если употребить заговор во зло, то, хотя бы это и удалось на сей раз, человек, однако же, на будущее время теряет способность заговаривать; но должно пояснить примером, что именно, по народному поверью, называется употребить заговор во зло: заговор от червей составлен для скотины и лошадей; если же барин принудит знахаря заговорить червей на собаке, то это на сей раз удастся, но впредь уже черви никогда этого знахаря не послушают. Многие заговоры читаются натошак, на пороге, в чистом поле, лицом к востоку, на ущерб луны, по легким дням (вторник, среда, суббота), или наоборот, по черным дням, если заговор принадлежит к чернокнижию - дни эти поименованы ниже; другие заговоры читаются на ветер, над проточной водой, на восходе или на закате солнца, под осиною [осина, в народных поверьях и в хозяйстве, замечательное дерево. На нем, по народному преданию, удавился Иуда - отчего и лист осиновый вечно дрожит; осиновым колом прибивают в грудь мертвеца-колдуна, ведьму, упыря, - который встает и бродит по ночам; осиновыми кольями должно бить коровью смерть, при известном ночном опахивании деревни, где действуют одни нагие бабы; в осиновый пенъ вколачиваются волосы и ногти больного, чтоб избавить его от лихорадки; разбитые параличом должны лежать упираясь босыми ногами в осиновое полено; такое же полено, засунутое в куль негашеной извести, как говорят, не дает ей сыреть и портиться, равно положенное в посуду с квашеной капустой не дает ей бродить и перекисать; осиновые дрова, если ими протапливать изредка печь, уничтожают всю сажу, так что вовсе не нужно труб чистить; осина, самое мягкое и негодное дерево, дает самые прочные торцы, для мостовой, особенно на конных приводах], под связанными сучьями двух березок (от лихорадки), над ковшом или черепком воды, над волосами, ногтями или следом (сбранною землею из-под ступни) того человека, кого надо испортить или влюбить; и все почти заговоры читаются шепотом или про себя, втихомолку, так чтобы никто

о том не знал, не ведал [вот несколько образчиков заговоров, взятых из разных губерний, они много походят на заговоры, собранные Сахаровым.

1. Заговор от поруба. Встану я благословясь, лягу я перекрестясь, пойду стану благословясь, пойду пререкрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: с правой, со восточной стороны, летят три врана, три братеника, несут трои золоты ключи, трои золоты замки; - запирали они, замыкали они воды и реки и синие моря, ключи и родники; заперли они, замкнули они раны кровавые, кровь горячую. Как из неба синего дождь не канет, так бы у раба божьего N.N. кровь не канула. Аминь.

2. Приворотный заговор илилюбжа, который читается на подаваемое питье.

Лягу я раб Божий помолясь, встану я благословясь, умоюсь я росую, утрюсь престольною пеленою; пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чистое поле, во зеленое поморье. Стану я на сырую землю, погляжу я на восточную сторонушку, как красное солнышко воссияло: припекает мхи-болоты, черные грязи. Так бы прибежала, присыхала раба Божия N. о мне рабе Божьем N. очи в очи, сердце в сердце, мысли в мысли; спать бы она не заспала, гулять бы не загуляла, аминь тому слову.

3. Заговор от ружья. На море, на окиане, на острове на Буяне, гонит Илья Пророк на колеснице гром со великим дождем: над тучей туча взойдет, молния осияет, гром грянет, дождь польет, порох зальет. Пена изыде и язык костян. Как раба-рабица N. мечется, со младенцем своим не разрезается, так бы у него раба N. бились и томились пули ружейные и всякого огненного орудия. Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрелянья. Ключ в небе, замок в море. Аминь, трижды.

4. От лихорадки. Встану я раб Божий N. благословясь, пойду прекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, путем дорогой к синему окиану-морию. У этого окиана-моря стоит древо карколист; на этом древе карколите висят: Косьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники. Прибегаю к вам раб Божий N. прошу, великие помощники К. и Д., Л. и П., сказать мне: для чего-де выходят из моря, окиана женщины простоволосые, для чего они по миру ходят, отбивают от сна, от еды, сосут кровь, тянут жилы, как червь точут черную печень, пилами пилят желтые кости и суставы? Здесь вам не житье-жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстрые реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовые, перины пуховые, подушки пересные; там яства сахарные, напитки медовые; там будет вам житье-жилище, прохладище - по сей час, по сей день, слово мое, раба Божьего N., крепко, крепко, крепко.

5. От укушения гада. Молитв ради Пречистыя твоея матери благодатный свет мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот: яко комары от облаков растекаются, тако и ты опухоль злая разойдись, растянись, от раба Божьего N. Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовные святые лики, станьте мне на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте, рабу Божьему N. Аминь.

6. Украинский заговор от-звиху (от вывиха). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Гдесь-недесь на сынему мори лежить камень билый, на билому камени кто-сь седеть, высижа, из жовтой кости цвиль выкликаая; жовтая кость левов дух; як у льву дух не держится, то щоб так у жовтой кости раба Божьего N. звих не держався. Миколаю угоднику, скорый помощнику, мисяцю ясный, князю прекрасный, стань мени у помощь, у первый раз, у третий раз. Аминь.]

Есть, наконец, сверх всего этого множество особых примет, по коим заключают об успехе предпринимаемого заговора. Список о чернокнижии считает 33 дня в году, в кои кудесники совершают свои чары: января 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19 и 20; февраля 11, 17, 28; марта 1, 4, 14 и 24; апреля 3, 17 и 18; мая 7 и 8; июня 17; июля 17 и 21; августа 20 и 21; сентября 10 и 18; октября 6; ноября 6 и 8; декабря 6, 11 и 18; понедельник и пятница, как известно, считаются тяжелыми или черными днями, в кои ничего не должно предпринимать, а по мнению некоторых, не должно и работать. Равноденственные дни также принадлежат кудесникам, и известная воробьиная

ночь на Украине посвящена ведьмам. Первая и последняя четверть луны вообще почитаются временем, удобным для предприятий всякого рода, хозяйственных и других распоряжений - а полнолуние и новолуние временем менее к тому пригодным.

Большая часть заговоров начинаются словами: на море на океане - и во многих поминается бел-горюч камень алатырь. На Руси есть город Алатырь - не менее того, однако же, никто не объяснил доселе, какой это таинственный камень. Иные полагали, что это должен быть янтарь, но, кажется, это неосновательная догадка. Раз только удалось мне выпытать прямо из уст крестьянина объяснение, которое, впрочем, ровно ничего не объясняет: на Воздвижение змеи собираются в кучу, в ямы, пещеры, яры, на городищах, и там-де является белый светлый камень, который змеи лижут, насыщаясь им, и излизывают весь; это и есть бел-горюч-камень алатырь. К сказке этой, вероятно, подало повод то, что змеи залегают и замирают на зиму, почему народ и искал объяснения, чем они в это время питаются, и придумал камень алатырь; осенью же они точно собираются для приплода в кучи.

Есть много людей, правдивых и притом нелегкомысленных, кои утверждают самым положительным образом, что испытали тем или иным способом действительность того или другого заговора; а потому, откинув на сей раз всякое предубеждение, постараемся разыскать, сколько и в какой степени может быть тут правды? Утверждают, что заговор действует только на верующих: если пуститься на месмерические или магнетические объяснения, то может быть это покажется менее диким и невероятным, чем оно с первого взгляда представляется; но мы вовсе не намерены писать рассуждение о магнетизме и потому удовольствуемся одним только намеком и указанием на него.

Кто в деревнях не знает заговора от червей? У какого помещика нет на это известного старика, который спасает летом и крестьянскую и господскую скотину от этого бича? Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинник, или будак (*carbius spicus*, *S. Benedictus*), заходит к нему так, чтобы тень на него не пала, говорит: "ты трава, Богом создана, имя тебе мордвинник; выведи червей из пегой (серой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь, отпущу, а не выведешь, с корнем изжену." В некоторых местах говорят просто: "тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха, зада и проч.) вывалятся." Вместе с тем, привязывают верхушку будака ниткой к колышку и втыкают его в землю, так, чтобы нагнуть стебель, но не переломить его; другие же просто нагибают стебель мордвинника, подтыкая его под стебли соседних трав, так чтобы он не мог сам собою высвободиться. Дело это вообще известно под выражением: заламывать траву. На другой или третий день знахарь идет справляться, вывалились ли черви у скотины? а на утвердительный ответ непременно отыскивает опять свой мордвинник и отпускает его, в некоторых местах еще с особой поговоркой: "ты мне отслужила, я тебе отслужу." Если этого не сделать, то трава в другой раз не послушается; а если по какому-либо случаю средство не поможет, то и не должно отпускать мордвина, в наказание за ослушание. Если червей мазали дегтем, скипидаром и проч., то их, по уверению знахарей, уже заговаривать нельзя. Довольно замечательно, что убогий мужик, как мне случилось видеть, занимавшийся этим ремеслом, взявшись с успехом вывести червей из двух скотин, отказался от третьей потому, что рану уже мазали дегтем, и ни за что не соглашался даже на попытку, хотя ему обещали значительное для него вознаграждение.

Об этом средстве я не смею сказать ничего положительного; нужно повторить сто раз опыт, с наблюдением всех возможных предосторожностей, прежде чем можно себе позволить сказать гласное слово в пользу такого дела, от которого здравый смысл наш отказывается; скажу только, что я не мог доселе открыть ни разу в подобных случаях, чтоб знахарь употреблял какое-либо зелье или снадобье; а скотина нередко ночевала у нас под замком. Объяснение, будто знахари берутся за дело тогда только, когда так называемые черви - правильное гусеницы - созрели, в поре, и потому сами выползают, вываливаются и ищут нужного им убежища, для

принятия образа личинки, - объяснение это никак не может меня удовлетворить; знахари не разбирают поры, не спрашивают, давно ли черви завелись - чего, впрочем, и сам хозяин обыкновенно в точности не знает; осматривают скотину издали, одним только взглядом, или даже, спросив какой она масти, делают дело за глаза. Какая возможность тут рассчитать *день в день, когда черви должны сами собой вываливаться?* Кроме того, всякий хозяин знает по опыту, что если раз черви завелись в скотине, то им уже нет превода почти во все лето, потому что насекомые, от яиц которых они разводятся, вероятно их беспрестанно подновляют. Первые врачи Петербурга, *не говоря о множестве других свидетелей,* не сомневаются в том, что одна известная дама, бывшая здесь несколько лет тому, одним взглядом своим повергала детей в сильно-судорожное состояние и творила над ними другие подобные чудеса. Если это так, то, отложив всякое предубеждение, всякий ложный стыд, я думаю, можно бы спросить: вправе ли мы отвергать положительно подобное влияние незримых сил природы человека на животное царство вообще? Осмеять суверие несравненно легче, нежели объяснить или хотя несколько обследовать его; также легко присоединиться безотчетно к общепринятому мнению просвещенных, несусеверных людей, и объяснить все то, о чем мы говорили, вздором. Но будет ли это услуга истине? Повторяю, не могу и не смею отвергать его с такую самоуверенностью и положительностью, как обыкновенно водится между разумниками. Не верю, но не решусь сказать: это ложь.

Любовные заговоры бывают двоякие: приворот милых или желаемых людей и извод постылых. В последнем случае действует мщенье или ревность. Те и другие заговоры бывают заглазные, голословные или же соединены с нашептыванием на воду, которую дают пить, или с заговором и другими действиями над волосами, отстриженными ногтями, частями одежды, или над следом прикосновенной особы, т. е. над землю, взятою из-под ступни ее. Любжа вообще, т. е. изводное или приворотное зелье, бесспорно принадлежит к числу тех народных врачебных средств, кои наделали много зла; под этим предлогом нередко отравляли людей, как мне самому случалось видеть. Большею частью дают в этом случае сильно возбуждающие яды, коих последствиями иногда удавалось воспользоваться, что и служило мнимым подтверждением таинственной силы заговора. Довольно известное бестолковое средство привораживать к себе женщину заключается в следующем: нашедши пару совокупившихся лягушек, должно посадить их в коробку или корзинку с крышкой или бурак, наверх в него много дыр; бросив или закопав это в лесу, в муравейник, бежать без оглядки - иначе попадешься чертям на расправу; - через трои сутки найдешь в коробке одни кости и между ними какую-то вилочку и крючочек. Зацепив мимоходом женщину где-нибудь крючочком этим за платье и отпустив опять, заставишь ее страдать и вздыхать по себе; а если она уже надоест, то стоит только прикоснуться к ней вилочкой, и она тебя забудет. Этот вымысел праздного воображения известен у нас почти повсеместно. Другой подобный состоит в чарах над змеей; третий - над сердцами двух белых голубей, и пр. Это подробнее описано в книге Сахарова. Вообще слово любжа означает зелье, для извода постылых людей, нелюбых сердцу, и для приворота любых, по коим сохнешь. Для составления любжи копают лютые корни, так же как и для клада, в Иванов день, 23 июня.

В средние века творили в Европе чары над поличием того, кому желали зла, или над куклой, одетой по наружности так, как тот обыкновенно одевался. Замечательно, что у нас на Руси сохранилось местами что-то подобное, изредка проявляющееся, кажется, исключительно между раскольниками. Люди эти не раз уже - и даже в новейшее время - распускали в народе слухи, что по деревням ездит какой-то фармасон, в белой круглой шляпе, - а белая шляпа, как известно, в народе искон служит приметой фармасонства: - этот-де человек обращает народ в свою веру, наделяя всех деньгами; он списывает со всякого, принявшего веру его, поличие и увозит картину с собою, пропадая без вести. Если же впоследствии новый последователь фармасонщины откинется и изменит, то белая шляпа стреляет в поличие отступника и этот немедленно умирает.

Возвратимся к своему предмету, к порче любовной и любже. Это поверье, кроме случаев, объясненных выше, принадлежит не столько к числу вымыслов праздного, сказочного воображения, сколько к попыткам объяснить непонятное, непостижимое и искать спасения в отчаянии. Внезапный переворот, который сильная, необъяснимая для холодного рассудка, страсть производит в молодом парне или девке, - заставляет сторонних людей искать особенной причины такому явлению, и тут обыкновенно прибегают к объяснению посредством чар и порчи. То, что мы называем любовью, простолудин называет порчей, сухотой, которая должна быть напущена. А где необузданные, грубые страсти не могут найти удовлетворения, там они также хотят, во что бы ни стало, достигнуть цели своей; люди бывалые знают, что отговаривать и убеждать тут нечего; рассудок утрачен; легче действовать посредством суеверия - да притом тем же путем корысть этих бывалых людей находит удовлетворение. Но я попрошу также и в этом случае не упускать из виду - на всякий случай - действие и влияние животного магнетизма, который, если хотите, также есть не что иное, как особенное название общего нашего невежества. - Настойчивость и сильная, непоколебимая воля и в этом деле, как во многих других, несмотря на все нравственные препоны, достигали нередко цели своей, - а спросите чем? *Глазами*, иногда может быть и речами, а главное, именно силою своей воли и ее нравственным влиянием. Если же при этом были произносимы таинственные заклинания, то они, с одной стороны, не будучи в состоянии вредить делу, с другой чрезвычайно портили его, дав преданному им суеверу еще большую силу и ничем не поколебимую уверенность, (бесспорно, впрочем, что самая большая часть относящихся сюда рассказов основаны на жалком суеверии отчаянного и растерзанного страстями сердца.

Парень влюбился однажды насмерть в девку, которая, по расчетам родителей его, не была ему ровней. Малый был не глупый, а притом и послушный, привыкший сызмала думать, что выбор для него хозяйки зависит безусловно от родителей и что закон не велит ему мешаться в это дело; родители скажут ему: мы присудили сделать то и то, а он, поклонившись в ноги, должен отвечать только: власть ваша. Положение его становилось ему со дня на день несноснее; вся душа, все мысли и чувства его оборотились вверх дном и он сам не мог с собою совладать. Он убеждался разумными доводами, а может быть более еще строгим приказанием родителей, но был не в силах переломить свою страсть и бродил ночи напролет, заломав руки, не зная, что ему делать. Мудрено ли, что он в душе поверил, когда ему сказали, что девка его испортила? Мудрено ли, что он Бог весть как обрадовался, когда обещали научить его, как снять эту порчу, которая-де приключилась от приворотного зелья или заговора, данного ему девкой? Любовь, несколько грубая, суровая, но тем более неодолимая, и без того спорила в нем с ненавистью, или по крайней мере с безотчетною досадою и мстью; он подкрепился лишним стаканом вина, по совету знающих и бывалых людей, и сделался вне себя, чему его научили: пошел и прибил больно бедную девку своими руками. Если побьешь ее хорошенько, сказали ему, то как рукой сымет. И подлинно, как рукой сняло; парень хвалился на весь мир, что он сбыл порчу и теперь здоров. Опытные душесловы наши легко объяснят себе эту задачу. Вот вам пример - не магнетический, впрочем - как, по-видимому, самое бессмысленное средство, не менее того иногда довольно надежно достигает своей цели. И смешно и жалко. Немудрено, впрочем, что народ, склонный вообще к суевериям и объясняющий все недоступное понятиям его посредством своей демонологии, состояние влюбленного до безумия не может объяснить себе иначе как тем же необыкновенным образом. Указание на это находим мы даже в народных песнях, где например отчаянный любовник говорит своей возлюбленной, что она ему "раскинула печаль по плечам и пустила сухоту по животу!")"

Вот пример другого рода: молодой человек, без памяти влюбившийся в девушку, очень ясно понимал рассудком своим, что она ему, по причинам слишком важным, не может быть четой - хотя и она сама, как казалось, бессознательно отвечала его склонности. Ему долго казалось, что в бескорыстной страсти его нет ничего преступного, что он ничего не хочет, не желает, а счастлив и доволен одним

этим чувством. Но пора пришла, обстоятельства также - и с одной стороны он содрогнулся, окинув мыслями объем и силу этой страсти и бездну, к которой она вела, - с другой, почитал вовсе несбыточным, невозможным, освободиться от нее. Тогда добрые люди от коих он не мог утаить своего положения, видя, что он близок к сумасбродству и гибели, - сумели настроить разгоряченное воображение его на то, чтобы в отчаянии искать помощи в таинствах чар: "встань на самой заре, выдь, не умывшись, на восход солнца и в чистом поле, натошак, умойся росой с семи трав; дошедши до мельницы, спроси у мельника топор, сядь на бревно верхом, положи на него перед собою щепку, проговори такой-то заговор, глядя прямо перед собою на эту щепку, и подняв топор выше головы при последнем слове: "и не быть ей в уме-помысле моем, на ретивом сердце, в буйной в головушке, как не сrostись щепе перерубленной - аминь", ударь сильно топором, со всего размаху, пересеки щепку пополам, кинь топор влево от себя, а сам беги без оглядки вправо, домой, и крестись дорогой - но не оглядывайся: станет легко. "Что же? Благородная решимость молодого человека в этом бестолковом средстве нашла сильную подпору: не веря никоим образом, при выходе из дому, чтобы стало сил человеческих на подавление этой страсти, хотя и был убежден, что долг и честь его требуют того - он возвратился от мельницы веселый, спокойный - на душе было легко: - вслед за тем он возвратил девице полученную от нее записку *нераспечатанною*. Так сильно был он убежден, что дело кончено, союз расторгнут - и с этого дня, об этой несчастной любви не было более речи!

Сглаз, притка или порча от сглазу, от глаза, недобрый глаз - есть поверье довольно общее, не только между всеми славянскими, но и весьма многими другими, древними и новыми народами. Мы ставим его сюда потому, что оно, по народному поверью, близко к предыдущему. Уже одна всеобщность распространения этого поверья должна бы, кажется, остановить всякое торопливое и довременное суждение о сем предмете; хотя всякое образованное общество и считает связанностью издеваться гласно над таким смешным суеверием, - между тем как втайне многие искренно ему верят, не отдав себе в том никакого отчета. Скажем же не обинуясь, что поверье о сглазе, без всякого сомнения, основано на истине; но оно обратилось, от преувеличения и злоупотреблений, в докучную сказку, как солдат Яшка, Сашка серая сермяжка, или знаменитое повествование о постройке костяного дома. Бесспорно есть изредка люди, одаренные какою-то темною, непостижимой для нас силою и властью, поражать прикосновением или даже одним взглядом своим другое, в известном отношении подчиненное слабейшее существо, действовать на весь состав его, на душу и тело, благотворным или разрушительным образом, или по крайней мере обнаруживать на него временно явно какое-либо действие. Известно, что ученые называли это животным магнетизмом, месмеризмом, и старались объяснить нам, невеждам, такое необъяснимое явление различным и весьма ученым образом; но, как очень трудно объяснить другому то, чего и сам не понимаешь, - то конец концов был всегда один и тот же, то есть, что мы видим в природе целый ряд однообразных, но до времени необъяснимых явлений, которые состоят, в сущности, в том, что животные силы действуют не всегда отдельно в каждом неделимом, но иногда также из одного животного, или через одно животное на другое, в особенности же через человека. Ученые называют это магнетизмом, а народ сглазом. Стало быть и тут опять ученые разногласят с народными поверьями только в названии, в способе выражения, а сущности дела они согласны. Как бы то ни было, но если только принять самое явление это за быль, а не за сказку, то и поверье о сглазе и порче, в сущности своей, основано не на вымысле, а на влиянии живой, или животной, природы. Переходя, однако же, затем собственно к нашему предмету, мы бесспорно должны согласиться, что описанное явление применяется к частным случаям без всякого толка и разбора, и от этого-то злоупотребления оно обратилось в нелепую сказку. Из ста, а может быть даже из тысячи случаев или примеров, о коих каждая баба расскажет вам со всею подробностью, едва ли найдется один, который более или менее состоит в связи с этою таинственною силою природы; все остальные были, вероятно, следствием совсем иных причин, коих

простолюдин не может, или не хочет доискаться; поэтому он, в невежестве своем, сваливает все сподряд, по удобству и сподручности, на сглаз и порчу - который же кстати молчит и не отговаривается, а потому и виноват.

V. ВОДЯНОЙ

Водяной, водовик или *водяник*, водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. Впрочем, водяной также не везде у нас известен. Он живет с русалками, даже почитается их большаком, тогда как леший всегда живет одиноко и кроме какого-нибудь оборотня, никого из собратьев своих около себя не терпит. О водяном трудно собрать подробные сведения; один только мужик рассказывал мне об нем, как очевидец, - другие большею частью только знали, что есть где-то и водяные, но Бог весть где. Водяной довольно робкий старик, который смел только в своем царстве, в омуте, и там, если осерчает, хватает купальщиков за ноги и топит их, особенно таких, которые ходят купаться без креста или же не в указанное время, позднею осенью. Он любит сома и едва ли не ездит на нем; он свивает себе иногда из зеленой куги боярскую шапку, обвивает также кугу и тину вокруг пояса и пугает скотину на водопое. Если ему вздумается оседлать в воде быка или корову, то она под ним подламывается и, увязнув, издыхает. В тихую, лунную ночь, он иногда, забавляясь, хлопает ладоною звучно по воде и гул слышен на плесу издалеча. Есть поверье, что если сесть у проруба на воловью кожу и очертиться вокруг огарком, то водяные, выскочив в полночь из проруба, подхватывают кожу и носят сидящего на ней, куда он загадает. При возвращении на место, надо успеть зачурать: чур меня! Однажды ребяташки купались под мельницей; когда они уже стали одеваться, то кто-то вынырнул из-под воды, закричал: *скажите дома, что Кузька помер* - и нырнул, ребяташки пришли домой и повторили отцу в избе слова эти: тогда вдруг кто-то с шумом и криком: ай, ай, ай, соскочил с печи и выбежал вон: это был домовый, а весть пришла ему о ком-то от водяного. Есть также много рассказов о том, что водяной портит мельницы и разрывает плотины, а знахари выживают его, высыпая по утренним и вечерним зарям в воду по мешку золы.

VI. МОРЯНЫ

Моряны, огняны и ветряны есть у других славянских племен; но русские, кажется, ничего об этом не знают. Праздник Купала и другие в честь огня или воды суть явно остатки язычества и не представляют ныне, впрочем, олицетворения своего предмета. *Лад, Ярило, Чур, Авсен, Таусен* и проч. сохранились в памяти народной почти в одних только песнях или поговорках, как и дубыня, горыня, полкан, пыжики и волоты, кащей бессмертный, змей горынич, Тугарин-Змеевич, яга-баба, кои живут только еще в сказках или изредка поминаются в древних песнях. Народ почти более об них не знает. О бабе-яге находим более сказок, чем о прочих, помянутых здесь лицах. Она ездит или летает по воздуху в ступе, пестом погоняет или подпирает, помелом след замечает. Вообще это создание злое, несколько похоже на ведьму; баба-яга крадет детей, даже ест их, живет в лесу, в избушке на курьих ножках и проч.

Кикимора также мало известна в народе и почти только по кличке, разве в северных губерниях, где ее иногда смешивают с домовым; в иных местах из нее даже сделали пугало мужеска пола, тогда как это девки-невидимки, заговоренные кудесниками и живущие в домах, почти как домовые. Они прядут, вслух проказят по ночам и нагоняют страх на людей. Есть поверье, что кикиморы - младенцы, умершие

некрещеными. Плотники присвоили себе очень ловко власть пускать кикимор в дом такого хозяина, который не уплатил денег за срубку дома.

Игоша - поверье, еще менее общее и притом весьма близкое к кикиморам: уродец, без рук без ног, родился и умер некрещеным; он, под названием игоши, проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно, если кто не хочет признать его, невидимку, за домовика, не кладет ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки или рукавиц и проч.

Жердьяй, от жерди - предлинный и претоненький, шатается иногда ночью по улицам, заглядывает в окна, греет руки в трубе и пугает людей. Это какой-то жалкий шатун, который осужден век слоняться по свету без толку и должности.. Об нем трудно допроситься смыслу; но едва ли поверье это не в связи с кашеим бессмертным, которого, может быть, тут или там пожаловали в жердяи. Чтобы избавиться от всех этих нечистых, народ прибегает к посту и молитве, к богоявленной воде, к свечке, взятой в пятницу со страстей, которою копят крест на притолке в дверях; полагают также, вообще, что не должно ставить ворота на полночь, на север, иначе всякая чертовщина выживет из дома

VII. ОБОРОТЕНЬ

Оборотень - на Украине *вовкулака* - какой-то недобрый дух, который мечется иногда человеку под ноги, или поперек дороги, как предвестник беды. От него крестятся и отплевываются. Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овченой и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперед об землю; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным зверем или чудовищем; но всегда только мельком, потому он никогда не даст рассмотреть себя путем. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного насмерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнем или кустом, или на ровном месте, на перекрестке. Днем очень редко удастся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить и гуляет всю ночь напролет. Перекидываясь или пропадая внезапно вовсе, он обыкновенно мечется, словно камень из-за угла, со странным криком, мимо людей. Некоторые уверяют, что он-то есть коровья смерть, чума, и что он в этом случае сам оборачивается в корову, обыкновенно черную, которая гуляет со стадом, под видом приبلуды или пришатившейся, и напускает порчу на скот. Есть также поверье, будто оборотень - дитя, умершее некрещеным, или какой-то вероотступник, коего душа нигде на том свете не принимается, а здесь гуляет и проказит поневоле. В некоторых местах, на севере, оборотня называют кикиморой; ведьме и домовому иногда приписывают также свойства оборотня. Из всего этого видно, что если мужик видел что-нибудь в сумерки или ночью и сам не знает *что*, - то это бесспорно был оборотень.

VIII. РУСАЛКА

Русалка - также *чертовка*, или *шутовка*, или *водява*, что означает почти то же, потому что тут у мужиков говорится именно взамен недоброго слова черт. Русалка почти отовсюду вытеснена людьми; а она любит пустые и глухие воды. Нигде почти не найдете вы теперь такого места, где бы, с ведома жителей, поныне водились русалки; или они были тут когда-то и перевелись, или вам укажут, во всяком месте, на другое - а тут-де нет их. На Украине их считают девочками, умершими без крещения; в других местах полагают, что каждая утопленница может обратиться в русалку, если покойница была такова при жизни; или когда девка утонула, купаясь без креста, причем полагают, что ее утащил водяной; опять иные

считают русалок вовсе не людского поколения, а нечистыми духами или даже просто наваждением дьявольским. На юге у нас русалка вообще не зла, а более шаловлива; напротив, великорусская русалка или шутовка, особенно же северная, где она и называется не русалкой, а просто чертовкой, злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода. При таком понятии о них, их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие, или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелеными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалют, хохочут, качаются на ближних деревьях, вьют плетеницы из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочат его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка как у гуся; другие даже, что у нее, вместо ног, раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдет к ним - днем они почти не выходят - иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить и сухое место: доколе она чешет мокрые волосы, дотоле с нее все будет струиться вода; если же на русалке и волоса обсохнут, то она умирает. Следы этих шаловливых подружек остаются изредка на мокром песке; но это можно только видеть, застав их врасплох: в противном случае они перерывают песок и заглаживают следы свои. Где верят в водяного, там считают его атаманом русалок. Но они, бедненькие, очень скучают без мужчин, и все их затеи клонятся к тому, чтобы залучить человека и защекотать его насмерть. Сказывают, что они иногда от скуки перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завертывают им на спине, как шаловливые школьники, одно крыло за другое, так что птица не может сама расправить крыльев; они же, сидя в омутах, путают у рыбаков сети, выворачивают мотню и скатывают их с речной травой. Вообще, полная власть шаловливым русалкам дана во время русальной недели, которая следует за Троицыным днем и до заговенья. Первое воскресенье за Троицей также называется русальным. Это время, по народному мнению, самое опасное, так что боятся выходить к водам и даже в леса. Кажется, несправедливо - как иные полагают - будто русалки хозяйничают до Петрова дня и будто они, по народному мнению, девочки лет семи: этих поверьев я не встречал нигде. На юге русалка взрослая девушка, красавица; на севере чертовка стара или средних лет и страшна собой. На Украине, в продолжение клечальной недели, есть разные игры в честь русалкам, кои в это время бегают далече в леса и поля, топчут хлеб, кричат, хлопают в ладоши и проч. Г. Сахаров напечатал песни русалок, бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским или белорусским наречием.

IX. ВЕДЬМА

Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится собственно на Украине, а Лысая гора, под Киевом, служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш. Ведьма тем разнится от всех предыдущих баснословных лиц, что она живет между людьми и, ничем не отличаясь днем от обыкновенных баб или старых девок, кроме небольшого хвостика, ночью расчесывает волосы, надевает белую рубашку, и в этом наряде, верхом на помеле, венике или ухвате, отправляется через трубу на вольный свет, либо по воздуху, либо до Лысой горы, либо доить или портить чужих коров, портить молодцов, девок и проч. Ведьма всегда злодейка и добра никогда и никому не делает. Она в связи с нечистой силой, для чего варит травы и снадобья в горшке, держит черную кошку и черного петуха; желая оборотиться во что-либо, она кувыркается через 12 ножей. Ведьма не только выдаивает коров, но даже, воткнув нож в соху, цедит из нее молоко, а хозяйская корова его теряет. Если сорока стрекочет, то беременной женщине выходить к ней не должно: это ведьма, которая испортит или даже выкрадет из утробы ребенка. Из

этого следует, что ведьма перекидывается также в сороку, и, может быть, от этого сорока противна домовому, для чего и подвешивается в конюшне. Ведьме, для проказ ее, необходимы: нож, шалфей, рута, шкура, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, иногда также и трава тирлич. Ведьма варит зелье ночью в горшке и, ухватив помело, уносится с дымом в трубу. Ведьма иногда крадет месяц с неба, если его неожиданно заволакивает тучами или случится затмение; она крадет дожди, унося их в мешке или в завязанном горшке; крадет росу, посылает град и бурю, и проч. Есть на Украине предание, взятое, как говорят, из актов: злая и пьяная баба, поссорившись с соседкой, пришла в суд и объявила, что та украла росу. По справке оказалось, что накануне росы точно не было и что обвиняемая должна быть ведьма. Ее сожгли. Проспавшись, баба пришла в суд каяться, что поклепала на соседку, а судьи, услышав это, пожали плечами и ударили об полы руками, сказав: от тоби раз!

Ведьме удается иногда оседлать человека, и он, увлекаемый чарами ее, везет ее на себе через трубу и возит по свету до упаду. Есть и обратные примеры, то есть, что осторожный и знающий человек выезжал на ведьме, как мы видим из рассказов Гоголя. Все это приближает ведьму к разряду знахарок, ворожей и колдунов, давая ей иное значение, чем поверьями дано прочим баснословным лицам. Ведьма есть олицетворенное понятие о злой и мстительной старухе, и злые бабы пользуются суеверием людей. Много было примеров, что вместо мнимой ведьмы ловили злую соседку на том, как она перевязывает вымя у коровы волоском, или выходит ночью в одной рубахе, без опояски, босиком, распустив космы, пугать, с каким-либо намерением, суеверных. Много страшного рассказывают о последнем смертном часе ведьм, и в этом отношении они также сравниваются со знахарями и кудесниками: душа не может расстаться с телом, и знающие люди принимают тут различные меры - вынимают доску из потолка, раскрывают угол крыши. Есть также поверье, что ведьмы встают и бродят после смерти, как и колдуны; что ведьму можно приковать к месту, притянув тень ее гвоздем; что ее должно бить наотмашь, т. е. от себя, оборотив ладонь, и наконец, поверье смешивает ведьм иногда с упырями, известными исключительно на Украине и у южных славян, и говорят, что ведьмы также по смерти сосут кровь из людей или животных и этим их морят. Для этого с ними поступают так же, как с колдунами: перевертывают в могиле ничком и пробивают насквозь осиновым колом между лопаток. Ведьму отчасти смешивают также с вовкулаками или оборотнями, рассказывая, что она иногда подкатывается под ноги клубком, или перекидывается в собаку, волка, свинью, сороку, даже в копну сена. Ведьмы же и сами портят людей и делают из них оборотней. Есть рассказы о том, что, снимая шкуру с убитой волчицы или с медведицы, к общему изумлению людей, находили не волчью тушу, а бабу в сарафане, или в юбке и запаске. Если найти черную кошку без единого белого волоска, сварить ее и выбрать все кости, то можно найти кость, невидимку, которая служит ведьме: сядь против зеркала и клади сподряд все косточки попеременно в рот; как попадешь на невидимку, так и сам исчезнешь в зеркале. Иные велят вместо этого просто варить кости черной кошки по ночам, покуда все истаят, а одна только невидимка останется.

Известны неистовства, которые в прежние времена происходили по случаю обвинения какой-либо бабы в том, что она ведьма; это в особенности случалось в южной Руси. Нет той нелепицы, какую бы не придумывали люди, от злобы, глупости, с отчаянья или с хитрым умыслом, для искоренения ведьм и для исправления настроенных ими бед. В старину народ верил, что ведьмы, или другого рода колдуньи могут держать обилие, т. е. заключать в себе и хранить огромные запасы денег, жита и даже зверков, доставлявших промышленникам богатый пушной товар; на Украине подобное суеверие встречается иногда поныне, в особенности же относительно дождей и урожая.

Трава чернобыльник, по народному поверью, противна ведьмам и охраняет от них двор и дом.

Общее и единоголасное поверье утверждает, что в Москве нет сорок. По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку,

убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексей запретил сорокам летать на Москву, потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался.

Таинственные песни ведьм, состоящие из вымышленных, бессмысленных слов, находятся в известном издании г. Сахарова. На Украине же переходит по преданию счет, будто бы употребляемый ведьмами: одион, другиан, тройчан, черичан, подон, лодон, сукман, дукман, левурда, дыкса; одино, попино, двикикиры, хайнам, дайнам, сповелось, сподалось, рыбчин, дыбчин, клек.

Х. ПОРЧИ И ЗАГОВОРЫ

Если мы затем, независимо от сказанного, разберем некоторые поверья о порче и сглазе, то найдем, что они принадлежат вовсе к иному разряду, и именно, к поверьям, где, как объяснено было выше, полезный обычай усвоил себе силу закона, посредством небольшого подлога. Например: новорожденное дитя без всякого сомнения должно держать первое время в тепле, кутать и сколько можно оберегать от простуды; существо это еще не окрепло; оно должно еще научиться дышать воздухом и вообще витать в нем. Но такой совет не всяким будет принят; ничего, авось и небось - у нас великое дело. Что же придумали искони старики или старухи? Они решили, что ребенка до шести недель нельзя выносить, ни показывать постороннему, иначе-де его тотчас сглазят. Это значит, другими словами: дайте новорожденному покой, не разворачивайте, не раскрывайте, не тормошите и не таскайте его по комнатам, а накрывайте слегка совсем, и с головою. Вот другой подобный случай: не хвалите ребенка - сглазите. Неуместная похвала, из одной только вежливости к родителям, бесспорно, балует ребенка; чтобы хозяину раз навсегда избавиться от нее, а с другой стороны уволить от этого и гостя, не совсем глупо придумали настрашать обе стороны сглазом.

Средства, употребляемые знахарями от сглазу или порчи, относятся большею частью к разряду тех поверьев, где человек придумывает что-нибудь, лишь бы в беде не оставаться праздным и успокоить совесть свою поданием мнимой помощи. Прикусить себе язык, показать кукиш, сплевывать запросто или в важных случаях, с особыми обрядами, слизывать по три раза и сплевывать, нашептывать, прямо или с воды, которою велют умываться или дают ее пить, надевать белье наизнанку, утаивать настоящее имя ребенка, называя его другим, подкуривать волосом, переливать воду на уголь и соль, отчитывать заговором и пр., - во всем этом мы не можем найти никакого смысла, если не допустить тут, и то в весьма редких и сомнительных случаях, действие той же таинственной силы, которая могла произвести самую порчу. Вспомните, однако же, что бессмысленное, в глазах просвещенных сословий, нашептывание на воду, которой должен испить недужный, в сущности близко подходит к магнетизированию воды, посредством придыхания, чему большая часть ученых и образованных врачей верят, приписывая такой воде различные, а иногда и целебные, свойства.

Относительно порчи вообще, уроки, извода, изуроченья, притки должно сказать, что простолудин всякое необыкновенное для него явление над человеком, как напр., падучую болезнь, пляску св. Вита, параличи разных родов, косноязыкие, дрожание членов, малоумие, немоту и пр., называет порчей или изуроченьем. Не зная причины таких припадков, не постигая их и отыскивая, по природному побуждению, ключ к загадке, народ все это приписывает влиянию злых духов или злых людей. Но поверье, что в человека заползают иногда гадины, змеи, лягушки, жабы - поверье это, как в последнее время дознано вполне положительными и нисколько не сомнительными опытами, не есть суеверие, а основано на довольно редких, истинных случаях. Я имел случай наблюдать сходное с этим явление: солдат проглотил две или три пиявки, напившись ночью из какой-то лужи, и эти животные

спокойно жили, вероятно, в желудке человека, несколько недель, покуда их не извели ложкою соли, и их выкинуло рвотой. Несколько лет тому, не говоря о множестве других примеров, в Ораниенбаумском госпитале пользовали человека, наблюдая за ним строжайшим образом, и болезнь кончилась тем, что его, в присутствии посторонних свидетелей, вырвало змеей, которая, вероятно, до сего дня сохраняется в спирте; весьма недавно в Киевской губернии один жид, напившись болотной воды, стал чувствовать различные припадки, в продолжение нескольких месяцев; страшную боль в животе, движение, царапанье в желудке и пр., и между тем живот вздувало. Наконец, от постоянного употребления простокваши и скипидара, в течение трех месяцев вышло рвотой 35 лягушек, разной величины и всех возрастов; свидетелей было при этом много, неоднократно, и между прочим сам врач. Лягушки принадлежали к одному обыкновенному виду, но отличались бледностью и нежностью кожи.

Заговор от крови, от поруба, или вернее, от кровотечения, по моему мнению, объясняется всего проще тем, что почти всякое кровотечение из кровяной (не боевой) жилы, изо всех подкожных и вообще мелких сосудов, останавливается через несколько времени самою природою, и что это именно делается тогда, когда на рану ляжет кровяная печенка, а под нею клейкая пасока, которая, стусившись, затянет всю поверхность раны. Опасно только кровотечение из разрезанных крупных боевых сосудов, кои вообще лежат довольно глубоко и потому редко подвергаются такому насилию. Из них алая кровь брызжет перемежающейся струей, согласно с ударами сердца. Кто не знает этого во всей подробности, у кого нет в этом деле достаточной опытности и верного взгляда - тот в испуге готов верить, что каждая рана угрожает смертельным кровотечением, а потому он и готов приписать чудесному средству обыкновенную и естественную остановку крови. На это можно только возразить, что многие сведущие и опытные люди, хотя может быть и негласно, утверждают, будто они сами были свидетелями успешного заговора крови; но мы все-таки еще вправе, вполне доверяя их добросовестности, не доверять однако же их опытности и верности взгляда. Впрочем, если допустить, что глаз, придыхание, известное движение рук или пальцев и сильная воля человека могут возмутить равновесие или вообще направление жизненных сил другого, то не вижу, почему бы считать положительной сказкой применение магнетизма и к этому частному случаю, т. е. к кровотечению? Я не утверждаю, чтобы это было так; я даже думаю, что нужно еще много добросовестных и весьма затруднительных разысканий на деле, для решения этого вопроса; но я предостерегаю только от лжепросвещенного отрицания всезнайки, которое всегда и во всяком случае вредно. Не верю, покуда меня не убедят; но самую возможность отрицать не смею. Я с крайнею недоверчивостью буду следить за действиями знахаря, заговаривающего кровь; но не менее того буду наблюдать и разыскивать, полагая, что предмет этот достоин внимания и разыскания.

Есть также поверье, что при сильном течении из носу должно взять замкнутый висячий замок и дать крови капать сквозь дужку: кровь должна остановиться. Это, вероятно, придумано, чтобы успокоить человека, дать ему более терпенья, дав забаву в руку, и усадить спокойно на одно место. Другие советуют, вместо того, взять в каждую руку по ключу и по куску мела и стиснуть кулаки; или подсунуть кусочек бумажки, или дробинку под язык и проч. Кажется, все это придумано для того, чтобы не быть в это время без дела и без совета, а подать хотя мнимую помощь; равно и для того, чтобы утомить человека и успокоить его. При кровотечении из носу делают также следующее: рукою противной стороны, из которой ноздри идет кровь, достают, под локоть другой руки, поднятой кверху, мочку уха; вскоре, как уверяют, кровь останавливается. Само собою разумеется, что все средства эти тогда только могли бы быть признаны дельными, если бы они, при опасных или продолжительных кровотечениях, оказались действительными, в чем конечно нельзя не усомниться.

На заводах уральских есть особый способ заговаривать кровь, если во время работ кто-нибудь по неосторожности бывает сильно ранен. Способ этот относится до

известных во всей Европе симпатических средств, о коих частью будет говориться ниже, а частью уже говорилось выше. Если кто порубится или порежется сильно при работе, то на заводах есть для этого так называемая "тряпка": это простая, белая ветошка, напоенная растворами нашатыря; ее немедленно приносят, напояют кровью из раны и просушивают исподоволь у горна или печи, на огне. Как тряпка высохнет, так, говорят, и кровь должна остановиться. При этом наблюдают только, чтобы сушить тряпку *не круто*, чтоб с нее пар не валил: иначе-де рана будет болеть, рассорится.

По случаю этого страннообразного средства нельзя не вспомнить поверье наших предков, которое творило разные чудеса и чары над человеком, посредством крови его, волос или других частей. На этом основано и у нас поверье, особенно в простонародьи, чтобы волос своих никогда и никому не давать и даже на память не посылать. Волосы эти, как говорят в народе, могут-де попасться во всякие руки. Иные даже собирают во всю свою жизнь тщательно остриженные волосы и ногти, с тем, чтобы их взять с собою в гроб, считая необходимым иметь все принадлежащее к телу при себе; иначе потребуется в том отчет. Суеверные раскольники делают это и с другою, еще более бессмысленною целью, о коей будет говориться в своем месте. Врачи прежних времен предостерегали не ставить кровь, после кровопускания, на печку, или на лежанку, утверждая, что тогда жар или воспаление в больном усилится. Я впрочем и ныне знал образованного и опытного врача, который был того же мнения и уверял, что делал неоднократно опыты, которые его в истине этого дела вполне убедили. По ныне известным и общепринятым законам природы все это ни с чем не вяжется и не может быть допущено.

В наше время кудесничество этого рода также известно кой-где в народе, и именно в северных губерниях: Арахангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской; оно едва ли не перешло к нам от Чуди, от финских племен, кои сами в течение веков обрусели. Там беспрестанно слышишь о чудесах, о порче, по злобе или мести, посредством клока остриженных волос или чар над поднятым с земли следом человека или над частицею крови его.

Близкое к тому поверье, или вернее суеверие, заключается в заломе или закруте хлеба на корню. Эту штуку злого знахаря, делаемую из мести, не должно смешивать с заломом травы для заговора червей, о чем уже говорено было на своем месте. Злой знахарь берет в руку горсть стеблей хлебных и, произнося заклятие на хозяина этой нивы, ломает хлеб в правую сторону, а закручивает его в левую. Обыкновенно в самом узле заломы находят немного золы, которая берется из печи того же хозяина; иногда кладут под закруты, кроме золы, также соль, землю с кладбища, яичную скорлупу, распаренные хлебные зерна, уголь. Закруты могут быть разведены, по суеверию народа, только хорошим знахарем; в противном случае хозяина нивы постигнет всякое бедствие: домовины вымрут, дом сгорит, скот падет и проч. В особенности опасно, по мнению народа, сорвать или скосить закруты; если его недосмотрят вовремя и это сделается, то беда неотвратима. Мне самому случалось успокаивать мужика, на ниве коего сделан был закруты; я взял на себя развести его, уверив испуганного мужика, что знаю это дело хорошо, а когда я вырвал весь кустик и зарыл в землю золу, уголь и соль, то все кончилось благополучно. Если некому развести закруты, то осторожные хозяева обжинают его.

Заговоры от ружья, от орудия вообще не могут заключать в себе никакого смысла. У стрелков, ловцов, у охотников есть однако же, как у всех промышленников, особого рода приемы и поверья, кои довольно трудно исследовать, потому что сущность их обыкновенно скрывается под каким-нибудь гаерством. Травой Адамова голова окуривают, в Великий четверток, силки и сети, коими ловят птиц и самое ружье окуривают травую клюквы (или колюки), уверяя, что оно тогда не боится заговора или порчи. Калканы вытирают дегтем или конским навозом, с разными наговорами - и если в этом пошептывании нельзя признать толка, то навоз и деготь бесспорно служат к тому, чтобы зверь не причул человеческого духа. Не только простолюдины, но люди образованные рассказывают иногда, как очевидцы, престранные вещи, близкие к предмету настоящего нашего

рассуждения; например: у одного грека землепроходца, путешествовавшего, по словам его, ко Св. местам, была какая-то ладанка, спасавшая от всякой пули. Надев на себя, он вызывал присутствующих офицеров стрелять по нему; а когда никто не согласился, то он надел ладанку на лошадь, просил стрелять по ней и отвечал хозяину цену лошади. И на это не согласились, а избрали жертвою петуха. Затем, петуха привязали и сделали по нем, почти в упор ружья, около десятка или более выстрелов дробью и пулей: петух вскрикивал, подлетал, метался, но на нем не было крови; он издох уже в следующую ночь, а ошипав его, нашли, что он весь покрыт сине-багровыми рубцами.

Охотники и промышленники в Сибири, в особенности на выездах, боятся недоброй встречи. Если кто, не пожелав охотнику добра, проговорит встретив его: едет поп, не стрелец - несет крест, не ружье, - то уже никакой удачи на промысле не будет. Поэтому там всегда выезжают тайком, до свету, и прячут ружье. Сам скажи о том, что ружье бывает с чертиком; это значит, как станешь целиться, так нечистый стоит прямо перед тобой и держит утку за крылья, растопырив их врозь; выстрелишь, убьешь - он бросит и пойдет себе своим путем. Вообще заговор от ружья бывает различный; один спасает человека от всякого оружия, другой портит известное оружие, лишает только то или другое оружие средства вредить, делает его негодным. В числе множества рассказов об этом предмете находим между прочим также объяснение, для чего заговоры эти так многословны; некто заговорился от ружья, от пули свинцовой, медной, железной, чугуновой, стальной, крылатой, пернатой - а от серебряной и золотой позабыл, это узнали, да и убили его серебряной пулькой. Излишне кажется упоминать здесь, что заговор ружья или пистолета фигляров состоит в том, что они искусно подменяют оружие, или вынимают из него заряд. Есть также поверье, что от пули, облепленной воском, никто заговориться не может.

Заговор и нашептывание употребительны при вывихах, переломах и многих болезнях. Тут также доселе еще вовсе ничего не исследовано, в каких случаях это только обман с одной стороны, а легковерное воображение с другой, и в каких случаях кроется что-нибудь более: т. е. действительное влияние физических или животных сил. Это такое дело, которое уже явно смешивается с народным врачеванием и потому только косвенно касается нашего предмета. Но весьма нередко мы находим, под видом и названием заговора от болезни, врачебные средства, коим народ охотнее верит под таинственной личиной заговора: например, от криков младенцев должно вытряхнуть из маковки все зерна, налить туда теплой воды, взять ребенка, отнести его на чердак, под насест, где сидят куры, нашептать заговор, перевернуть ребенка через голову, воротиться и дать выпить воду. Явно, что здесь ребенку дается легонький сонный напиток; а чтобы он не перестоялся и не сделался слишком крепким, то придумали определить время прогулкой на чердак, под насест и обратно. Собственно от вывихов и переломов конечно подобные штуки представляют самую ненадежную помощь - и если с заговором не соединяется работа костоправа, что нередко бывает - то нашептывания эти приносят конечно много вреда, оставляя людей без помощи или устраняя всякое разумное пособие.

Заговоры от *зубной боли* принадлежат к числу весьма распространенных и находят много заступников, кои, по словам их, столько раз на себе испытали силу их, что готовы положить за правду эту голову на плаху. Скажем то же, что о так называемых симпатических средствах вообще: если тут кроется что-нибудь, то ученые наши объяснят это со временем, причислив сие явления к животному магнетизму. Я бывал свидетелем тому, как заговоренная бумажка, или нашептывание, или наложение руки на щеку мгновенно укрощали боль; но собственно на меня это не действовало и жестокая зубная боль продолжалась. Бабы говорят, что если кто разувается, всегда начиная с левой ноги, то у него никогда не будут болеть зубы; целый ряд подобных поверьев помещен нами ниже в разряд шуточных. В число средств, кои даются от зубной боли с наговорами, помогают иногда по естественным причинам, принадлежит следующее: положить на больной зуб два обрубка круглого корешка или прутик обыкновенного корня дикой

земляники и держать их стиснув легонько зубы, чтобы палочки лежали одна на другой и не перекатывались. Усилие это и однообразное напряжение нередко доставляют скорое облегчение. Иные верят что должно задушить крота, чтобы приобрести силу исцелять зубную боль одним прикосновением руки. По опытам моим, это не подтвердилось.

Заговоры разного рода *на пчел* относятся до так называемого пчелиного знахарства, изложенного довольно подробно у Сахарова. Но об одном предмете можно бы написать целую книгу, в коей дельные замечания, основанные на многолетнем опыте, но укутанные в таинственные и суеверные обряды, путались бы попеременно с затейливыми или вовсе глупыми вымыслами праздного воображения. Есть, между прочим, поверье даже о том, что можно *делать* пчел, нажав всякой всячины в закупоренную бочку и поставив ее, с известными обрядами, на зиму в омшеник.

Весьма близки, по значению своему, к заговорам, а часто вовсе с ними сливаются и притом не более их исследованы, так называемые *симпатические средства*. Сюда же принадлежат подвески, привески, подвязки, талисманы, амулеты, ладанки и проч. Суеверие об особенном значении и силе каждого из самоцветных камней пришло к нам с Востока, из области поэзии. Конечно, не может настоять в том никакого сомнения, что большая часть поверий этого разряда так же пусты и вздорны, как мнимое волшебное действие самоцветных камней; но с другой стороны, нельзя произнести приговор этот над всеми сюда относящимися поверьями, хотя мы и не всегда находим удовлетворительное объяснение загадки. Некоторые из сих средств только по странности своей и причудливому способу употребления принадлежат, с виду, к симпатическим средствам, между тем как самое их действие основывается на давно известных законах природы. Так, например, повязки на руках и ногах от лихорадки не только признаны действительными, но даже употребляются иногда врачами. Помощь их основана, по-видимому, на законах обращения крови: повязки на руках и ногах останавливают возврат крови к сердцу через поверхностные кровяные жилы (вены), и кровь не может скопляться, во время озноба, во внутренностях, отчего и происходит перелом болезни. Для этого берется обыкновенно красная тесьма или гарус, коего девять ниток на шее служат также предохранением для детей от скарлатины и краснухи. Есть ли тут еще и своеобразное действие собственно красного гаруса, который преимущественно для сего употребляется в этом, конечно, должно усомниться. Я знал человека, который раздавал привески от лихорадки, нашептывая их наперед, и хотя они мне самому и некоторым другим не помогали, но зато, под личным моим наблюдением, много раз немедленно прекращали болезнь, по крайней мере, упорная лихорадка без всяких видимых причин, с того же дня, как таинственная ладанка была привешена, не возвращалась. Это был корень неизвестного растения, указанный знахарю, по словам его, одним ссыльным, которому он на пути следования оказал какую-то услугу. Замечательно было для меня вот что: испытав несколько раз силу этого корешка над больными и призадумавшись над ним поневоле, я мог искать разрешения загадки в одном только воображении больных. Итак я взял другой, первый попавшийся мне корешок и стал его привешивать, выдавая за полученный от знахаря, к лихорадочным. Я повторил это, как нахожу в записках своих, на пяти различных больных, но без всякого успеха; все они неохотно и без доверенности дозволили повторить опыт привескою настоящего корня; после чего у двух из них лихорадка немедленно отстала. Когда же у меня у самого была лихорадка, то мне не помогла ни яичная пленка, ни привески, хотя я брал их непосредственно от знахарей, исполняя строго все их предписания. Привеска от лихорадки, нетопыри, лягушки и проч., вероятно, действует наиболее посредством настроенного воображения, надобно одолеть обычное отвращение от этих тварей, и нравственное волнение также производит физический перелом. Привеска написанных на клочке бумажки таинственных слов, или абракадабры, или прием бумажки этой внутрь в виде пилюль, если только лихорадка испугается этого и покинет больного, по всей вероятности, также обнаруживают силу свою посредством воображения, этого

довольно могучего рычага. Не иначе действуют, кажется окачивания холодной водой через оглоблю, или в лесу через березку; привеска птичьего гнезда, бечевки, на которой удавлена собака; последовательный прием, прямо с реки и натошак, нескольких ложек воды, начиная в первый день с одной; также прием замятой в хлебном мякише вши; впрочем насекомое это, как уверяют, действует врачечно и употребляется также для понуждения последа, после родов. Варят также в моче больного три куриные яйца, выносят их, с горшком, в муравейник, разбивают и зарывают все вместе. Когда муравьи уничтожат яйца, то лихорадка должна пропасть. Или больной должен проносить несколько хлебных зерен в рукавице, на голой ладони, во время приступа; потом сеют их, а когда взойдут, больной должен их раздавить и растоптать. Завязывают в лесу над головой больного два сучка березы, приговаривая: покинешь - отпущу, не покинешь - сама сгинешь. Пишут на бумажку абракадабру, известным треугольником, или имя больного, молитву, или другие таинственные слова и привешивают к больному; или остригают волосы и ногти больного, просверливают в осине дыру, затыкают ее этим и заколачивают камешком; нечаянно, с молитвой, окачивают во время озноба водой, сажают лягушку за пазуху и проч. От судорог носят в кармане медный грош, кусочек серы и ржаного хлеба, или зашивают в подвязку серый цвет.

XI. СИМПАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

От лихорадки народных средств вообще чрезвычайно много; и это потому именно, что болезнь эта, поселяясь в брюшной полости, исцеляется противодействием на головной мозг. Зернистый перец, шубий клей, паутина, яичный белок и тому подобные снадобья не принадлежат впрочем вовсе к средствам симпатическим и сила их давно уже признана врачами. Болезни этой дано множество названий: лихоманка, трясучка, трясавица, комуха, кумаха; иногда ее ублажают, величают лихоманкой Ивановной, чтоб не обиделась, или боятся ее назвать; на Украине различают 99 видов лихорадок, смотря по тому, от чего она прикинулась, называя ее: *пидтынница*, если она человека застала сонного под тыном, на сырой земле; *веретенница*, если баба допрялась до лихорадки; *гноевая*, если напала на спящего на навозной куче; *степоная*, если на переночевавшего в поле и проч. Есть и в России поверье, что лихорадок 9 крылатых сестер, коих по временам нечистый спускает с цепей. Если одна из них пролетом поцелует человека, то или губы обмечет, или же нападёт трясавица. Покидая одного больного, чтобы потрясти другого, сестры эти дают каждому временный покой. Иные мажут себе лицо сажей и переодеваются в чужое платье, чтобы лихорадка, воротившись, не узнала. Поэтому и скорый отъезд в другое место, как народ толкует, иногда спасает от лихорадки; она потеряет человека и не найдет его. От болезни этой, по мнению народа, спасает, между прочим, также восковой шарик, слепленный из 12-ти крошек воску, снятых в 12 раз во время чтения Страстей, от свечки, которая в продолжение службы зажигается, как известно, 12 раз. От лихорадки же и вообще от злых духов и порчи, выкапчивают в страстную пятницу крест на притолоке и над дверьми у входа, и притом свечой, принесенной со Страстей. Но вот еще народное средство, которое я испытал раз 30 и в чрезвычайном действии коего всякому легко убедиться, хотя и не так легко объяснить его и добиться до желаемого смысла: перед приступом лихорадки, за час или более, обкладывают мизинец левой руки, а в некоторых местах большой палец, внутренней пленой сырого куриного яйца; кожа эта вскоре прилипнет плотно и присыхает, а чтобы уберечь ее, обматывают палец слегка тряпичкой. От этого средства лихорадка, не всегда, но большею частью, покидает недужного. В самое то время, когда бы ей следовало быть, в мизинце появляется боль, иногда довольно жестокая, и начинает стрелять вдоль локтя, иногда до самого плеча. Вместо вторичного приступа, бывает опять то же, но только гораздо слабее, а за третьим разом все кончено. Замечу, что по опытам моим над самим собою и над другими: 1) плена эта не оказывает ни малейшего действия над здоровыми; 2)

иногда и у лихорадочных, без явной причины, бывает не действительна, и тогда озноб и жар идут своим порядком и боли в мизинце нет; 3) или же дело принимает обратный ход: мизинец рвет и болит во время промежутков лихорадки, а приступы идут своим чередом, и притом боль на это время утихает; 4) изредка боль в мизинце, в локте и плече бывает так сильна, что хворый не в силах перенести ее и срывает плену; тогда боль исчезает, а лихорадка вместо того появляется; 5) также в редких случаях, по излечении сим способом лихорадки, мизинец бывает покрыт кровяницами и даже образуется нарыв около ногтя, в виде ногтеоды. Я был однажды свидетелем случая, где весьма опытный и ученый врач приходил в отчаянье от недействительности хинина и других аптечных средств противу злой лихорадки, грозившей ударом - а яичная пленка спасла больную! Бывшие этому свидетелями врачи, без сомнения, основательно утверждали, что средство это не есть симпатическое, а должно действовать иначе; но как именно и от чего, этого доселе никто не мог мне объяснить. Вот пример такого явления, взятого из опытности простонародья, которое и не могло бы, кажется, заслуживать никакой веры; множество разумников готовы при первом слове закричать: "вздор"; но я попрошу изведать дело на опыте, а потом судить и писать приговор! [Кто бы поверил, что деревянная дощечка с тремя магнитами на одном конце, свободно обращающаяся на игле, поставленная в комнате и накрытая стеклянным колпаком, показывает, за полчаса вперед, направление ветра! А между тем это верно, открыто случайно и теперь занимает всех ученых.]

Народному поверью, что сердце лежит под грудной костью, под ложечкой - сердце болит, отвечает по крайности и ученое, латинское название этого места (*sevociculum cordis*); а поверью, что душа сидит немного пониже, в желудке, соответствует положение брюшных нервных узлов, называемых также брюшным мозгом и седалищем животной души. Кровь ходит, приступает, говорит простолюдин; а ученый врач называет это конгестиями и оргасмом. Во всем этом есть смысл; мы иногда не понимаем народа, он нас; но речи его не всегда так бессмысленны, как с первого взгляда кажутся.

У лекарок есть симпатические средства *от бородавок*: разрезать яблоко ниткою, натереть бородавку обеими половинками, сложить и связать их тою же ниткою и закопать в навоз. Когда сгниет яблоко, тогда, говорят, пропадут и бородавки. Натирают также бородавки сырым мясом или свиным салом и закапывают его или отдают собаке; делают на щепочке столько зарубок, сколько у человека бородавок, прикоснувшись к каждой соответствующе ей зарубкой; или вяжут на ниточке, на алой шелковинке, узелки, обмеряя каждую бородавку вокруг, и бросают на дорогу; кто поднимет щепку эту или шелковинку, на того перейдут бородавки. Во время убыли луны, поводят рукою по стене, на которую падает лунный свет, а потом поглаживают бородавку тою же рукою. Это повторяется в продолжение целой недели, и бородавка должна пропасть. Иные обводят пальцем сучок в деревянной избе, куда падает лунный свет, а потом водят по бородавке. Обмывают также бородавку, три раза, дождевой водой, скопившейся в лунке, ямке большого камня; иные смазывают бородавку пеной или накипом от горящих сырых сосновых дров.

От докучливого *ячменя* есть множество симпатических средств: уколоть ячмень зерном ячменя и отдать его курице; обвести ячмень обручальным кольцом и прочесть молитву; подавить ячмень кольцом, поцеловать глаз и сплюнуть; повесить иглу на нитке перед глазом и смотреть на нее. Довольно забавно видеть в доме барском старуху, няню, у которой весь день болтается перед глазом игла, привешенная к головному платку. От ячменя же, перво- или последнорожденный из братьев и сестер должен показать кукиш больному глазу, но чтобы никого при том не было; иные советуют говорить при этом: ячмень, ячмень, вот тебе кукиш, что захочешь, то себе купишь; купи себе топорок, переселись поперек; проговаривая это трижды, провести по ячменю пальцем. От *лишай* есть также много средств; напри., взять поту с окна, или слюней, обвести сучок в бревне избы, а потом лишай, и сказать: ни шире, ни дале, тут тебе и быть, на сем месте тебе и пропасть.

От *желтухи*, берут в руки живую щуку и глядят на нее, покуда она уснет. От *курячей слепоты*, сидят над паром вареной воловьей печени и едят ее, и это средство было одобряемо некоторыми врачами; но, испытав его много раз, во время Турецкого похода, я однако же никогда не видал от него помощи. От детского недуга *собачья старость*, вероятно, сухотка хребтового мозга, *перепекают* ребенка, т. е. сажают его на лопату и трижды всовывают наскоро в затопленную печь. В трудных детских болезнях, где родители отчаиваются в жизни ребенка, должно, по народному поверью, подать его нищей в окно: если она примет его Христа ради, то он выздоровеет. Это, конечно, поэтическое поверье, без всякого другого значенья. Изгнание полунощника, или полунощницы, семью прутиками или сорочкою ребенка, которую меряют взад и вперед и накрест ниткою, всучивают между двух прядей ее и потом кладут под порог, чтобы народ ее топтал; лечение переполоха выпивкой, - все это должно почитать баснями, как и еленье костоеды, ногтоеды и зубной боли вызовом, посредством кипятка, на хлебный колос, каких-то волосатиков или червей; кладут по 3 пучка ржаных колосьев по несколько раз на больное место и обливают щелоком гречишной соломы. Откуда тут взяться волосам, или волосатикам, коих, по нашим понятиям, нет и быть не может в больных членах - этого нельзя постигнуть. Все это или невинные грезы, или необъясненные доселе тайны, или вероятнее, последнее убежище беспомощного отчаянья. Переполох (кажется, неправильно пишут: переполог), от переполошить, испугать почитается следствием испуга ребенка, которому от переполоха надевают рубашонку задом наперед. Переполох от собаки почитается не так опасным, потому что *она вылает* его сама же впоследствии; но переполох от злого и молчаливого гусака, кинувшегося на ребенка, почитается несравненно опаснее. Известно, что укушение гусака бывает иногда ядовито и очень долго не подживает. Если кто поперхнется или подавится, то советуют класть ломоть хлеба на темя, или тереть переносье указательным пальцем правой руки. Утверждают, что сверчки пропадают, если в комнате повесить живого рака за клешню, покуда он начнет портиться; что сим же способом, повесив рака на дереве, можно согнать с него всех гусениц; известно, что самая близость серных ключей отнюдь не позволяет разводить пчел; что газ, употребляемый для освещения комнат, хотя бы он, по хорошему устройству снарядов, не распространял ни малейшего запаха, вредит однако же цветам и вообще растениям, кои блекнут и листья с них обваливаются; что, сохраняя или перевозя в бочках и ящиках живых раков, надобно остерегаться встречи со свиным стадом; иначе раки внезапно все засыпают. Все это намеки такого рода, кои должны предостеречь нас быть крайне осмотрительными в приговорах своих. Но чтобы сверчки, тараканы, мыши ползли и бежали из дому *перед пожаром* - этому конечно здравый рассудок отказывается дать веру. Или мыши и тараканы выбирались уже вследствие гари, т. е., их выкурило, а через сутки или более пожар вспыхнул, или же злые люди когда-нибудь воспользовались этим поверьем и сожгли дом, из злобы, для грабежа, или просто для потехи, когда народ заметил, что насекомые выбираются из него и что быть худу. Говорят, если корова обнюхает подойник, то молоко будет тягучее и легко ссядется; чтобы исправить это, должно напоить из подойника быка. Соленые огурцы должно встряхнуть в кадке или бочонке, в день Воздвижения, тогда они лучше держатся; солить же их на молодой месяц, как и вообще об эту только пору делать все заготовления впрок. Об этом обстоятельстве необходимо сказать несколько слов. Странно, что некоторые общеизвестные истины упорно оспариваются или не признаются учеными нашими, тогда как господа ученые были бы обязаны наставлять народ, указывать ему путь к истине и пользоваться для этого всеми случайными открытиями, поверяя их на опыте и объясняя их затем умозрением, которое во всяком случае тогда только строится не на ветер, когда ему неоспоримый опыт служит основанием. Все хозяйки, хозяева и в особенности мясники и солельщики в целом свете, в Англии, Франции, Бельгии, Германии, заготавливающие солонину в большом количестве для флотов, знают очень хорошо, что солонина, приготовленная во время полнолуния, никуда не годится и очень скоро портится. Это есть неоспоримая истина, которую всякий может испытать на деле; он будет

наказан за неверие свое и выкинет вскоре весь запас. Как и почему, этого мы не знаем; но я не вижу, почему бы этому не быть, когда разнообразное влияние солнца, луны и других небесных тел на землю нашу и ее произведения вообще давно признано, хотя доселе еще удовлетворительным образом не объяснено. Скажем то же об отношениях известного женского периода к разным веществам, в особенности же к таким, кои находятся в брожении; между прочим, женщине в это время не должно подходить к бочонку, в коем делается уксус; иначе он испортится, не удастся. То же самое говорят и о хлебной квашне. Уверяют, что печеный хлеб легко и скоро плесневеет, в то время, когда хлеб на корню цветет; что вино поэтому о ту пору легко портится и за ним нужен особый надзор; что об эту же пору пятна красного вина, только не подкрашенного, гораздо легче вымываются из столового белья, без употребления к тому особых средств; что о ту пору, когда хлеб цветет, нельзя белить холстов; словом, много есть в народе и у хозяек наших подобных чудес на примете, и я, не советуя никому верить всем им на слово, не думаю, однако же, чтобы было справедливо и благоразумно отвергать положительно все это, как нелепость, не удостоверившись в том из многократного опыта.

К числу симпатических привесок принадлежат, как упомянуто, ладанки, в кои зашивают, для охранения от уроки, порчи, ладан и другие вещи и снадобья, иногда наговоренные бумажки и проч. Туда же зашивают так называемую природную сорочку младенцев, родившихся в рубашке. Случайное обстоятельство это, заключающееся в том, что плена или кожа яйца, по крепости своей, иногда не прорывается во время родов, а выходит цельная, содержа в себе ребенка, почитается особенным счастьем и предзнаменует новорожденному всякого рода благополучия. Смыслу в этом конечно нет и быть не может; не менее того, от этого поверья произошла и поговорка о счастливом человеке: он родился в сорочке.

ХII. ПРИМЕТЫ

В древней рукописной книге "Иконопись", может быть частью переведенной с греческого, или позаимствованной у греков, вставлены тут и там, между описаниями постановки, положения и одежды, любопытные заметки о тайнах живописи, вроде следующих: "Подзолотой пробел краски творить на яйцо, а яйцо бы свежее было, желток с белком вместе сбить гораздо, да тут закинуть соли, ино краска некорчитца, на зубу крепка. И первое разбить, процедить сквозь плат."

"Вначале тереть мягко со олифою вохры, в которой примешать шестую часть сурику. И истерши вложить в сосуд медной и варить на огне и прибавить малу часть скипидару, чтоб раза 3 или 4 вскипало кверху, потом пропусти сквозь трепицы, чтобы не было сору, а как будет варитца, то хотя прибавить смолы еловой чистой пропускной."

"Трава на реке на берегу растет прямо в воду. Цвет у нее желт, и цвет от нее отщипать да ссушить. Да камеди положить и ентарю прибавить да стереть все вместе и месить на пресном молоке. Пиши, что хошь, будет золото."

"Взять яйцо свежее от курицы молодушки и выпусти из него белок чистой и положи в желток ртути и запечатать серою еловою и положить под курицу, которая б по три цыпленка высиживала, и выпарая взять яйцо из-под курицы и смешать спичкою чистою и будет яко золото и пиши на чем хочешь, пером или кистью."

Обратимся теперь ко второму разряду поверий, изобретенных первоначально для того, чтобы застрашать человека, заставить, малого и глупого, окольным путем, делать то, чего напрямик добиться от него было бы несравненно труднее. Эти поверья каждый мальчишка затверживает с тятей и мамой, повинуется им безответно и следует им безотчетно. Например: не сорить, не ронять ни одной крошки хлеба, иначе будет голод и неурожай; другими словами: хлеб дорог, береги его и уважай его, как нужнейший нам Божий дар. Если кто за обедом, не доев своего ломтя хлеба, возьмется за другой, или отломит кусок от другого, то кто-нибудь из близких оголодает или будет терпеть нужду. Это, как поверье, глупо; но как правило

житейское, хорошо и полезно. Не макать хлеба в сольницу, потому что крошки туда падают и соль, вещь покупная у мужика, засорится, не класть испеченный, особенно горячий хлеб на горбушку, потому что она тогда легко отстает и хлеб в промежутке этом легко плесневеет; кто ест хлеб с плесенью, будет хорошо плавать; другими словами: не прихотничайте, дети, ешьте сподряд хлеб, каков ни есть. Скорлупу от выеденных яиц должно давить на мелкие части, иначе, если она попадет на воду, то русалки построят себе из нее кораблик и будут плавать, на зло и смех крещеным людям; а если скорлупа останется на дворе и в ней накопится дождевая вода, да сорока напьется, то у того, кто выкинул скорлупу, будет лихорадка. Сущность дела, вероятно, та, что скорлупа, выкинутая целиком, поваживает собак таскать яйца и даже учит кур и уток наклевывать и выпивать их. Кто, не разбирая постов, ест скоромное, у того будет рябая невеста; почитая большим грехом не соблюдать постов, старики выдумали острастку эту для легкомысленных ребят. Маленьким ребятишкам говорят также в пост, что молочко улетело на березку, и указывают на первого веселенького воробья. Муха во щи залетела - счастье, придумано, конечно, для успокоения брюзгливых и прихотливых. Есть и читать в одно и то же время не годится; память проглотить; и врачи наши дают то же наставление, подкрепляя его только более дельными доводами. Свистать в комнатах почитается или грехом, или дурным предзнаменованием; вероятно потому, что в жилом покое, где люди есть, не всякому приятен свист шалуна, который этим многим досаждают; чтобы застрашать его, говорят, что от этого дом пустеет. Поверье моряков, что в тихую погоду можно насвистывать ветер, который от свиста мало-помалу свежеет, должно отнести к тому, что в безветрие от скуки и нетерпения морякам нечего делать, и надо чем-нибудь позабавиться. Порожней колыбели не качать, а то дитя жить не будет; этим унимают старших баловней, от которых и без того в тесной избе некуда деваться. Новорожденную должно купать в белом белье, чтобы бела была и нежна. Это недурно придумано, для того, чтобы заставить неопрятную мать или мамку не мыть ребенка в грязном белье, от которого и вода вся делается грязною; хотя многие этого не понимают. Через порог не здороваться; поссоришься, либо дети немые будут. Невежливость здорованья через порог, не дав гостю войти, противна русскому хлебосольству; почему и придумали острастку. Нехорошо возвращаться, идучи от людей из дому, когда уже совсем собрался, оделся, простился и ушел, потому что это по-пустому тревожить хозяев; а если что забудешь и воротиться, то значит скоро опять свидеться. Не заставляй пришивать пуговицы на себе, или зашивать платье, которое надето; пришьют тебе память. Это явно выдумка хозяек наших, которым весьма неловко чинить платье на нетерпеливом супруге, если он не хочет раздеться и еще торопит. Кто свищет в ключ, занятие не для всех слушателей приятное, тот просвищет память, позабудет, где что положил. Кто сидя от безделья ногами болтает, тот черта качает; этим просто отучают от дурной привычки. Ребенка до шести недель никому не показывать, т. е., не раскрывать и не выносить; ребенка до году не стричь, и притом стричь в великий четверток, раз в год! и многие врачи советуют то же, полагая, что стричь ребенка должно только на весну, а не когда попало. Беременной не велят заготовлять белья для младенца, а то он жить не будет [общее и повсеместное поверье, что встречный предмет, особенно неприятный, имеет влияние на роды беременной женщины и даже на наружность ребенка, существует также в России и притом во всех сословиях]. Это значит: так как ей работать и шить тяжело, то ей обязаны помогать другие, а кто помогает обшивать невесту, тот помолодеет - и это придумано с добрым расчетом. Кто, выстригшись, кинет куда-нибудь волоса, у того голова будет болеть; должно собрать их в кучу, свернуть и заткнуть под стреху или в тын, подальше: это, при неопрятности крестьян наших, недурное правило; иначе, может быть, по всей избе и по двору валялись бы кучи обстриженных волос. Впрочем, о поверьях, касательно соотношений разных частиц, взятых от плоти нашей, к живому телу и об основанных на этом чарах, - было говорено выше. Коли домовая завьет у лошади по-своему гриву, то не трогать ее, а то он рассердится и испортит лошадь: правда, космы в гриве - это болезнь, род колтуна, и если их остричь, то лошадь всегда почти захворает. Порядочным людям грешно

купаться после Ильина дня (20-го июля); а после Ивана постного (29-го августа) грешно уже всякому, даже и сорванцу; потому что в конце июля вода дрогнет, как говорится, и зацветает; а в конце августа она холодна и ребятишки, набегавшись наперед, легко простужаются. Яблоки грешно есть до Спаса, а орехи прежде Воздвиженья; это основано на том, что до сих сроков яблоки и орехи редко вызревают и что ребятишек трудно удержать от незрелого, нездорового лакомства, если не настрашать их и не уверить, что это грешно. Слово грешно, в народном предании, отвечает известному *табу* островитян Южного океана и включает в себе понятие о строгом запрещении, не входя в смысл, значение и причины его. Если кто бьет домашних своих лучиной, как иногда привыкли делать злые старухи, тот сам иссохнет как лучина; недурно, если бы все этому свято верили. Кто в большой праздник проспит заутреню, того купают, бросают с размаху в воду, или обливают - обычай старинный, запрещенный даже особым указом 1721 года апреля 17-го. Вдова не должна быть в церкви, когда венчают; потому что в такое время вдова напоминает молодым неприятное и тем нарушает общее веселье. Ключей не класть куда попало на стол, иначе выйдет ссора в доме, а класть их всегда на определенное место, в стороне. Это поверье удивительно полезно и справедливо: как только хозяйка станет раскидывать ключи по столам, куда попало, то непременно вслед за тем станет искать их, обвинять и подозревать других, и выйдет брань и ссора. Перебираясь на новое жилье, в старом не покидать сору, тряпья, черепков и проч. Во-первых, это-де подаст повод обвинять вас в колдовстве, а во-вторых, и вас можно над этим изурочить. В сущности же, полезное поверье это велит всякому, выбираясь из дому, выметать хоть сколько-нибудь жилье, где доведется вслед за тем жить другому. Корова с подойником продается, а лошадь с недоуздом: это должна быть выдумка дешевых покупателей и хозяйственных скопидомов, и дело вошло в обычай; продавцу, взяв деньги, можно придать к скотине такую безделку, притом и необходимую при самой покупке, а покупателю все годится, как Осипу Хлестакова. Не должно спрашивать хозяйку, сколько у нее дойных коров, сколько кур несется, сколько наседок; это значит, кажется: не заботься о чужом хозяйстве. С кладбища, с похорон, ни к кому не заезжать; привезешь смерть в дом; или же, возвратившись, приложить ладони трижды к печи: это не есть поверье простолюдина, а изобретение наших старушек, которые боятся смерти и не любят об ней вспоминать. Покойника должно как можно скорее снять с постели и положить на стол; душа его мучится за каждое перышко в перине и подушке; это крайне дурное, бесчеловечное поверье, которое причиною тому, что у нас весьма нередко человека еще заживо стаскивают с постели и тормозят на все лады, также придумано досужливыми вещуньями, коим везде и до всего дело и которые не могут дожидаться часу, где до них дойдет очередь распорядиться. В некоторых местах бессмысленная и наглая услужливость их доходит до того, что они стаскивают умирающего с одра смерти и торопятся обмыть и одеть его, покуда он еще не остыл, может быть, покуда он еще дышит. Первоначально все обычаи, относящиеся к этой торопливости, возникли, вероятно, от желания кончить, как можно скорее, печальные обряды и дать осиротевшим покой; но это употребили во зло, самым непростительным, бесчеловечным образом. Поверье, что у грешника ангелы душу сквозь ребра вынимают, чтобы она только и досталась сатане, принадлежит к числу вымыслов поэтических и также к числу суеверных острасок; подробный рассказ о том, как это делается, может быть удержит многих от дурного поступка.

Если гости уйдут домой, после обеда или ужина, прежде, чем скатерть снята со стола, то женихи откажутся от хозяйских невест; у нас говорят, вместо этого, просто: невежливо бежать от стола, как от корыта, и это выходит на то же. Какое-то естественное приличие требует посидеть, поблагодарить хозяйку, дать ей время управиться немного с хозяйством и не принимать такого вида, будто пришел с тем только, чтоб накушаться и уйти. Разбить посуду, стекло во время какого-нибудь пира или празднества, свадьбы, крестин и пр., хорошая примета. Без сомнения, это хорошее поверье сочинено для того, чтобы разбитая рюмка или стакан не нарушили спокойствия и удовольствия хозяйки, а с тем вместе не лишили бы гостей веселого

расположения. Кто змею убьет, тому прощается 40 грехов. Это поощрение, конечно, изобретено бабами, которые боятся змей. Кто 40 покойников проводит, тому отпускается три тяжкие греха; выдумка охотниц до кутейных пирушек. Не годится прощаться и уходить, если у хозяйки не допита чашка чаю, и точно, не годится, можно обождать, покуда она ее допьет. Бабе грешно резать или колоть птицу, а четвероногое животное и подавно; это должен делать мужчина. В этих поверьях обычай, приличие, взаимные правила житейской вежливости соединяются в суеверии; оно заставляет народ исполнять то, что другими способами трудно было бы завести. В последнем по мере мы видим отговорку или оправдание женщин, коих чувство противится нанесению смертного удара, или у коих рука не поднимается на утку или курицу.

Обратимся к *третьему разряду* поверьев, к таким, кои в сущности своей основаны на опыте, на замечаниях, но которые при всем том к каждому частному случаю применены быть не могут, потому что в них есть только общий смысл. Сюда относятся замечания о Погоде, об урожае, или так называемый календарь земледельца. Зима без трех подзимков не живет. Через 6 недель после первого снега с морозом, становится зима; в день Благовещения и Светлого Христова Воскресения бывает одинаковая погода; в день Алексея Божьего человека, 17-го марта, разверзаются все подземные источники; в день Преполовения, и в день Казанския Богоматери, 22 октября, всегда идет дождь: в день Илии Пророка всегда бывает гром - а к этому уже досужие толкователи прибавляют: а если не будет грома, то в этот год *кого-нибудь* убьет грозою или зажжет дом. Реки вскрываются, когда дня бывает 14 часов, это поверье со средней Волги, и там оно подходит довольно близко к истине. Если беляк-заяц рано белеет, и когда зайцы с осени жирны, когда хомяк таскает рано большие запасы, - то будет внезапная и холодная зима. Если пчелы рано закупориваются, то будет ранняя и строгая зима, и наоборот: когда они заводят в другой раз детку, то будет продолжительная и теплая осень. Не знаю, до какой степени все эти приметы верны, но нельзя утверждать, чтобы у животных не было какого-то, для нас вовсе непонятного, предчувствия относительно погоды. Известно, например, всякому, что скотина глухо мычит перед дождем и бурей, дышит и роет землю; собака скушает и ест траву; петухи кричат взапуски с лягушками; воробьи и утки купаются в пыли, на сухой земле; галки с криком вздымаются высоко, роями; ласточка ширяет низко; на море морская свинка играет, бурная птица является внезапно и скользит по волнам; на этом и основаны живые барометры; зеленая лягушка, пиявица, рыба вьюн, предвещают довольно верно погоду, если держать их в склянке с водою. Нередко человек предчувствует ведро и ненастье: мозоли болят, пальцы горят, ломота появляется в раненых или ушибенных членах и проч. Есть люди, кои безотчетно, по какому-то темному, но верному чувству, угадывают близость кошки, как бы она не спряталась. Если солнце красно заходит, то на другой день будет ветрено; если пасолнца является, то это на мороз. Перед ненастьем табак льнет к крыше табакерки, как замечают табачники; перед ведром крышка ослабевает. Горничные наши знают, что после дождя и перед ветром подушки и перины делаются, как они говорят, легче, выше вздуваются. Таким образом, рассматривая собственно поверья, основанные на правильных замечаниях, но не всегда верно применяемые, мы невольно опять возвратились к поверьям сочувственным или симпатическим, как мы и вперед оговорились, сказав, что все принятые нами разряды незаметно друг в друга переходят. Если лучина трещит, когда горит, и мечет искры, то будет ненастье. Это довольно верно; значит, лучина отсырела более обыкновенного и воздух вообще сыр. Если кошка спит, подвернув голову под брюхо, то это зимой на мороз, а летом к ненастью. Сюда же принадлежат поверья и приметы относительно ожидаемого урожая, и между ними есть такие, кои достойны всякого внимания; например: крестьянин замечает, как колос зацветает: снизу, со середины, или сверху; чем ниже, тем дешевле будет хлеб, а чем выше, тем дороже. Другими словами: здоровый и обильный колос всегда должен зацвести снизу; тогда можно надеяться урожая, если град не побьет и червь не поест, и тогда хлеб будет дешев; а чем выше колос зацветает, тем менее он даст, потому что

плевелки ниже цвета всегда бывают пусты и не дают зерна, и, стало быть, тем дороже будет хлеб. Зимняя опока на деревьях обещает, как говорят, хороший урожай на хлеб; урожай на орехи обещает обильную жатву хлеба на грядущий год, по крайней мере замечено, что сильный урожай на орехи и на хлеб никогда не бывает вместе; что кроме того никогда не бывает большого урожая на орехи два года сряду; стало быть, при обилии в орехах, их на следующий год не будет, а вероятно будет урожай на хлеб. Когда рябина сильно цветет, то будет, говорят, урожай на овес; много ягод на рябине предвещает строгую зиму, может быть, если предположить, что природа заготавливает на этот случай корм для птицы. Посему и заготавливают тогда рябинный квас, слабительный и прохладительный, предсказывая на зиму воспалительные болезни, неразлучные со строгою зимою. Если день Богоявления (января 6) теплый, то хлеб будет темный, т. е. густой; если ночь звездистая, то будет много ягод; а если, во время посева, у жуков под брюхом много яичек (вшей), то будет урожай; если они на передних лапках, то должно сеять ранее, если на средних, то позднее, а если на задних, то еще позже. Последние приметы, вероятно, одна только шутка. На средокрестной неделе великого поста, пост преломляется пополам, пекут кресты, а ребятишек покрывают решетом или кадкой и бьют сверху палкой, чтоб слышали и помнили, как пост переломился пополам. Судя по ценам в день Ксении полузимницы или полухлебницы (янв. 24), заключают об урожае и о ценах на хлеб во весь предстоящий год. С этого дня остается ждать нового хлеба столько же времени, сколько ели старый. Февраль - широкие дороги - 4-го марта Герасима Гречевника. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, прилетают сороки и жаворонки, почему и пекут 40 жаворонков. Марта 17-го, Алексия Божьего человека: Алексея с гор потоки, с гор вода, а рыба со стану, т. е., рыба трогается с зимовья и трется под берегами. Марта 19-го Хрисанфа и Дарий; Дарий, желтые проруби, замарай проруби; Марта 25-го, Благовещение, если мороз, то будет много огурцов. Апреля 1-го, Марии Египетской, зажги снега, или заиграй-овражки. Апреля 3-го ап. Иродиона: уставь или заставь соху, пора пахать под овес; когда заквакают лягушки, то пора сеять овес; когда появятся крылатые муравьи, сеют хлеб. Овес сеять хоть в воду, да в пору; а рожь, обожди часок, да посеи в песок. В великий четверток мороз, так и под кустом овес; а озимь в засеку не кладут, т. е., не верь всходам с осени. Снегу много, хлеба много, говорит народ. Апреля 16-го, Ирины разрой берега. Апреля 25-го, Великомученика Георгия выгоняют скотину. Если дождь, то в этот год скот хорошо пойдет. Георгий везет корму в тороках, а Никола (9 мая) возом. Мая 5-го, Ирины рассадницы: сеют капусту. Это же время считается ветреным и потому удобным для палов, для выжигания полей, потому что пал, для безопасности, всегда пускается по ветру туда, где не опасно. Мая 13-го, муч. Гликерии, Лукерья-комарница, появляются комары. Мая 14-го Исидора, садят огурцы. Мая 18-го, семи дев: веют первый лен. Мая 21-го Константина и Елены: ранний лен и поздняя пшеница. Мая 29-го, Феодосии волосяницы: рожь колосится. Мая 31-го, Еремия повесь-сетево: т. е., кончай посев. Июня 13-го, Акулины гречушницы: сеют гречиху. 1-го июля, Казанския Богоматери, лучший день для сбора касмахи или червца, который будто собирается изо всей округности под один куст; кто найдет его, найдет много вдруг. Июня 20, Пророка Илии: если дождь, то будет мало пожаров; всегда бывает гром и где-нибудь убивает человека. В иных местах говорят еще, что в этот день дана воля всем гадам и лютым зверям, а потому и нельзя выгонять скотину в поле. Иные верят также, что в день Рождества Христова скотину не должно выпускать из хлевов. В Стефанов день поят лошадей через серебро. Августа 1-го, происхождение св. Древ: первый Спас; можно есть яблоки. Августа 13-го, Флора и Лавра, кончай посев ржи. Августа 23, св. Луппа, морозом овес лупит; первые утренники. Без воды зима не станет; дожди, потом следуют подзимки, а там морозы, которые разделяются на Никольские, рождественские, крещенские, афанасьевские, стретенские, и наконец мартовские заморозки. Оттепели должны быть: михайловские, 3-го ноября; введенские, 21-го ноября и проч. Августа 29-го, Иоанна Предтечи: не варят щей, потому что кочан капусты напоминает усеченную голову. Сентября 1-го, бабье лето, начало женским сельским работам; сентября 14-го

Воздвижение, кафтан с шубой сдвинулся. Октября 22-го, Параскевии-льняницы; пора мять лен. Ноября 26-го, Егорий с мостом, а Никола с гвоздем, декабря 6-го. О зимнем пути говорят: либо недели не доедешь до Благовещенья, либо неделю переедешь. Первый прочный, постоянный снег выпадает ночью, а денной сходит; это довольно верно. 12-го декабря, солнце поворотилось на лето, а зима на мороз. Если в день Рождества Христова много инею, опои на деревьях, то будет урожай на хлеб. В день Наума, 1-го декабря, в Малороссии отдают детей в школу, полагая, что они тогда более ума наберутся.

В южной Руси частью те же, частью и другие поверья, о погоде, урожае и проч., и в особенности замечается игра слов или созвучий подающих повод к поверью; наприим., 23-го июня, Иоанна Предтечи, смешивают с Крестителем и с Купалою языческим и называют день Ивана-Купалы; Пантелеймона (27-го июня) называют Палий и боятся в этот день грозы; празднуют, мая 11, обновление Царяграда, иначе хлеб выбьет градом; июня 24, Бориса и Глеба, называют *барыш* день, и празднуют его для получения во весь год барышей; если июля 19, в день Макрины, ясно, то осень будет сухая, а если *мокро*, так ненастная. 26-го января, Ксении полухлебницы или полузимницы, замечают цены на хлеб: если поднялись, будет дорог, если нет, то наоборот. Февраля 9-го, в день Сретения Господня, лето встречается с зимою; коли снег метет через дорогу, то будет поздняя весна, а коли не метет, то ранняя, и проч.

К сему же и частью к предыдущему разряду принадлежат и следующие поверья, не относящиеся до календаря земледельца: если выкинет из трубы, то должно опустить в нее живого гуся: распутив в испуге крылья, гусь, при этом падении, может иногда погасить пламя. Известные пятнышки на лице, вроде веснушек, появляющиеся временно у женщин, называют *метежами*, и говорят, что внезапное появление их есть верный признак беременности. В этом поверье есть истина; но она отнюдь не безусловна. Телятину есть считают грехом; вероятно, - это произошло от хозяйских расчетов: во-первых, деревенские коровы перестают доиться без телят; во-вторых же, не расчет съест телят, из которого через 2-3 года выйдет полнорослая скотина. Кроме того, почитают грехом есть голубей, как священную птицу; не едят зайцев и всех вообще слепорожденных животных и однокопытчатых, т. е., с неразвоенными копытами, вероятно, на основании Ветхого Завета. Угря не едят, не признавая его рыбой; а как, по пословице, в поле и жук мясо, то разрешают есть угря, когда в семи городах нельзя будет найти рыбы. Сомы не едят, потому что сом чертов конь; рыба эта жирна, не вкусна и не здорова, кроме плеса, который идет в пирог. Раков не везде едят; уральские казаки называют их водяными сверчками и выкидывают из сетей. Зато во многих местах простолюдины не брезгают грачами, галками и воронами; но сорок нигде не едят; а по уверению бывалых людей, в некоторых местах России запекают в пироги полевых мышей, под названием *житничков*. Очень умно, если это делается; но я нигде толком не мог о том доспроситься.

Ямщик, если вы нанимаете его на протяжных, ни за что не повезет барыню с кошкой, уверял, что от кошки лошади худеют; от табаку, напротив, по уверению извозчиков, лошади добреют, и потому табак для них кладь желанная. Извозчики, с коими рядились для отвоза из Ромна шерсти и табаку, за провоз последнего делали маленькую уступку. Если верить другому поверью, что чепрак из барсовой кожи вреден для лошади, то можно допустить также однородное влияние кошки; я говорю только, что подобное дело сбыточно, хотя и совсем вероятно. Так например, известное влияние кошки же на змею весьма замечательно: змея не боится самой злой собаки, напротив, самая злая и смелая собака сильно пугается змей; но лишь только подойдет к ней кошка, как змея мгновенно свертывается в клубок и, схоронив голову, лежит не смея дохнуть, не бежит, не защищается, и кошка смело ее грызет. Индюшки также заклевают змей, преследуя их с остервенением; овцы пожирают ядовитых тарантулов, от укушения коих другие животные умирают, по крайней мере, долго хворают.

Суеверие, будто у скопы ядовитые когти, вероятно, вышло просто из того, что

скопа довольно странная птица, соединяющая в себе свойства хищных и водяных птиц; она питается рыбой, хватая ее не клювом, а когтями.

Выше говорили мы об остатках язычества; христианство вытеснило их из области веры, и они нашли приют в поверьях или суевериях.

Нельзя не отнести сюда всех суеверных обрядов, соединенных у простолюдинов с обрядами веры; их много; все пересчитать трудно. Обращаются, например, в известных случаях, с молитвою исключительно к тому или другому св. угоднику, полагая, что тогда молитва будет лучше услышана; молятся от слепоты - Казанской Богоматери; от глазных болей - Мине Египтянину, Лаврентию Архидиакону, Логину сотнику; от болезней вообще, Богородице Всех Скорбящих; от головной боли - Иоанну Предтече; от зубной боли св. Антипию; от лихорадки - св. Марою, также Фотинии или Василию Новому; от грыжи, - Артемию; от бесчадия, - Роману чудотворцу, также св. Ипатию; от трудных родов: - Богородице Феодоровской или св. Екатерине, если муж возненавидит жену - св. Гурию, Самону и Авиве; о согласии супругов - св. Евангелистам; о здравии младенцев - Богородице Тихвинской, Симеону Богоприимцу; от родимца - св. Никите; от оспы, Конону Саврийскому; о просвящении разума на грамоту - Козме и Демиану; на иконное писание: Иоанну Богослову; о сохранении от смерти без покаяния, - св. Палсию; об изгнании лукавых духов - св. Нифонту, или Марофу; о сохранении целомудрия - Мартимиану, Иоанну многострад., Моисею Угрину, Финаиде; от запоя - Вонифатию, также Моисею Мурину; от грозы - Богородице Неопалимой Купины, также Никите Новгородскому; о ведренной погоде - св. Илии; от потопа и беды на войне и на море - св. Николаю Чудотворцу; от скотского падежа - св. Медосту, также Власию; от конского падежа - св. Флору и Лавру; о сохранении скота от зверя - св. Георгию; он же защитник девиц и покровитель сельских работ; об овцах, св. Мамонту, или св. Анастасии; о свиньях, - св. Василию Великому; о пчелах - св. Зосиме и Савватию; о курах - св. Козме и Демиану, или св. Сергию; о гусях - св. муч. Никите; о рыболовстве - св. Ап. Петру; о добром сне и грезах - девяти мученикам; от вора и обидчика, Иоанну Воину; о обретении покражи и бежавших рабах - Феодору Тирону; о укрощении гнева человека - Прор. Давиду; от очарования - св. Киприану и Устинии, - и проч.

Многие из принадлежащих сюда поверьев до того тесно связаны с народной поэзией, что настоящий их источник не всегда может быть указан, особенно при малых сведениях наших о дохристианском русском мире, в существе своем также поэтическом. Сюда принадлежат обычаи, поверья и обряды в различные праздники, столь подробно описанные г. Снегиревым. Наприм., игры и обряд на Ивана Купала, колядованье на Рождество, щедрованье на Новый год, семик и проч. Сюда же принадлежит поверье, что в пятницу грешно работать, а наши субботники, или русские жида, шабашат в субботу; также обычай опахивать в полночь деревню, впрягая девок в соху, чтобы избавиться от мора, от скотского падежа, бабы и девки едут, верхом на помелах и лопатах, и убивают до смерти первую попавшуюся навстречу живую тварь; это неистовые вакханалии, шабаш ведьм, где в прежние времена нередко случались убийства, для избавления околотка от чумы. Вместо того заливают также в одну ночь во всей деревне огонь, а там разносят по всем дворам древесный или живой огонь, добытый трением; для него устраивают род деревянного точила, которое после хранят в тайном месте. Этим же огнем поджигают разложенное в разных местах курево. Это средство известно по всей южной и восточной границе России, начиная с Черного моря до Китая. Есть еще иное средство от падежа на скот: должно согнать с вечера внезапно весь скот на один двор и обставить его строго караулом; с рассветом хозяева должны сами разбирать скотину, каждый свой, выпуская ее осторожно по одной из ограды; останется одна корова лишняя, ничья: это-то и есть самая моровая, или коровья смерть, и ее должно взвалить на поленницу и сжечь живьем. Эти поверья постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету. Например: в благовещенье птица гнезда не вьет; если же она завьет гнездо или проспит заутреню, то у нее на время отымаются

крылья и она делается пешею. К последнему поверью, вероятно, подали повод подлинни, птица, у коей правильные перья вылиняли и которую тогда можно ловить руками. В день 40-ка мучеников, 9-го марта, когда пекут жаворонков, уверяя, что они непременно в этот день прилетают, говорят также, что сорока положила уже 40 палочек в гнездо свое. В южной России, ласточка есть представительница чистоты христианской; воробей же, напротив, представитель жидовства. К поверью, что птица в Благовещенье не вьет гнезда, присовокупляют: кроме окаянного воробья, который не знает праздника. В день Благовещенья и в Светлое Воскресенье, между заутреней и ранней обедней, солнышко от радости играет, в чем нетрудно убедить кого угодно, заставив его смотреть прямо на солнце, оно заиграет в глазах. В Петров день, 29-го июня, солнце играет радугой на восходе, то выказывается, то опять прячется; в ночь Иоанна Крестителя, на 6-е января, вода в проруби играет и плещет. Если курица снесет яйцо в Благовещенье и его подсунуть наседке, то непременно выйдет урод. Во все время между рождеством и масленой, где целый ряд праздников, грешно прясть. Если девка или баба шьет, работает в заговенье, или по праздникам, то у нее будут заусеницы и ногтюд. Кто в ночь родительской субботы, после трехдневного поста, придет с молитвой на погост, тот увидит там тени тех, кому суждено умереть в течение года. Поверье это принадлежит южной России и Украине. Есть много преданий о том, что испытали и видели на том свете обмиравшие и очнувшиеся впоследствии люди: страшные для суеверов рассказы эти обыкновенно оканчиваются тем, что трех слов нельзя сказать, нельзя выговорить; это было им запрещено и язык отымается при всякой к тому попытке; а этих-де трех словах и заключается все главное и существенное. На Украине каждый человек, отговея, покупает вязанку бубликов (баранков) и делит ее со всеми приятелями, чтобы увидеться с ними на том свете. При первом ударе колокола, во время благовеста, мужик не перекрестится; за вторым перекрестится, за третьим поклонится. Коли звезда падает, то это ангел за душой усопшего полетел; а если успеешь, не дав угаснуть этой искорке, пожелать чего-нибудь, то оно исполнится; ангелы на этом перелете никому ни в чем не отказывают. Остригши ногти, собирать обрезки в одно место; на том свете придется по крутой горе лезть и ногти пригодятся. Это поверье принадлежит раскольникам. Для той же причины не велят бить кошек; они тогда снабдят из дружбы своими когтями. Когда убирают под венец невесту, то почетная, счастливая супруга должна ей вдеть серьги; тогда молодая будет счастлива. Исстари водилось, что брат невестин или другой мальчик должен в продолжение девшника укладывать жениховы подарки, на дому у жениха, который привозит их невесте; мальчик же должен обуть невесту под венец, подвязать ей подвязку и продать жениху косу ее; молодая, в знак покорности, разувает молодого, у которого в сапогах плетъ и деньги; ударив жену слегка, он ее награждает. У крестьян, новобрачных укладывают не в жилой избе, а пустой клетки или другом месте; стелют постель из снопов, и кладут именно 21 сноп; дарят младенца на зубок, дарят и родильницу, подкладывая тайком деньги под подушку. Во время венца кто первый из новобрачных ступит на подножие, тот будет властвовать; у кого свеча длиннее остается, или у чьих дружек, тот долее проживет; если венец, для облегчения не надевают на голову невесты, то народ считает такой брак недействительным, незаконным, и предсказывает беду; если же над головою уронят венец, то и подавно. Молодых иногда осыпают деньгами, хмелем и хлебом; впрочем, большая часть сих и множество других, сюда относящихся, обычаев, не принадлежат собственно к поверьям, а именно к обычаям и к числу празднеств. В иных местах кладут под порог замок, в то время, когда молодые идут к венцу, и лишь только они перешагнут порог, как вещи старухи берут замок, запирают его и хранят, а ключ закидывают в реку; от этого молодые будут жить хорошо. Если баба заспит младенца, то он, по народному поверью, делается оборотнем, или по крайней мере не будет принят в число праведников. Кроме того, мать должна идти на покаяние и стоять 3 ночи в церкви, очертившись кругом; в первую ночь бесы будут только дразнить и казать ей младенца; во вторую будут его мучить и приглашать ее, чтобы она вышла из круга и взяла его; в третью замучат его в глазах матери до смерти, а

сами исчезают с первыми петухами, покинув труп. Мать должна вынести все это; если же она перешагнет заветный круг, то сама сгинет. В старину родители иногда скрывали крестное имя дитяти, его называя вовсе иным, в уверенности, что человека нельзя испортить, изурочить, не зная имени его. Есть изредка также обычай, особенно когда дети не долговечны, чтобы вслед за народившимся младенцем выйти на улицу, дать ребенку имя первого встречного человека и даже звать этого человека в кумовья. В прощенный день (воскресенье, перед чистым понедельником) дарят друг друга куличом, или огромным пряником (фигура), с солдатыками или надолбами по краям и с чашкой посередине; такой же пряник везут молодые, на другой день брака, к родителям, которые им кладут деньги или подарки на пряник. Если смочит поезд свадебный, то это счастье, как и вообще дождь означает благодать, обилие. Усопших младенцев непременно подпоясывать: во-первых, для того, чтобы их на том свете по первому взгляду можно было распознать от татарчат и жиденят; во-вторых, чтобы малюткам, гуляя по вертографам небесным, можно было собирать за пазуху виноград. Если ребенок умирает, то подать его нищенке Христа ради в окно; коли та, ничего не зная, примет его, помолится и посадит под избой, то будет жив. Затмения, как известно, предзнаменуют, в глазах народа, бедствия, чему верили невежды почти во все времена и во всех землях. Явления эти весьма приравнивались к событиям настоящим, будущим или прошедшим и по необычности своей всегда поражали умы народа и настраивали их на ожидание чудес или бедствий.

У раскольников есть много странных поверьев, нередко порождения довольно дикого, необузданного воображения, кои иногда основаны на безграмотной игре слов: кто пьет чай, отчаивается от Бога; кто пьет кофе, налагает ков на Христа; хмель и табак произросли на могиле знаменитой блудницы, - хмель из головы, а табак из чрева. На этом основании вероятно хмель считается у них благороднее табака, многие раскольники не чуждаются его, тогда как табаку все они не терпят, называя его смертельным грехом. Раскольники в особенности настоятельно требуют, чтобы остриженные ногти класть с ними вместе в гроб, и даже носят обрезки эти в перстнях. Земля, по народному поверью, лежит на трех рыбах, китах или даже на четырех; но один из них умер, отчего и последовали потоп и другие перевороты; когда же перемрут они все, то последует преставление света. Между тем, когда киты эти, отлежав бока, начинают оправляться да повертываться, то бывает трясина, землетрясение. Иные, напротив того, утверждают, что свет стоит на трех слонах. Прежде нас жили на свете *волоты*, великаны, после нас будут *пыжики*, т. е. карлы. Народное поверье волотам назначает место жительства в вологодской стороне; вероятно этому подало повод одно только сходство звуков. Народ ожидает преставления света непременно в одну из великих суббот, перед Троицей. Если по торной дороге подымается столбовой вихрь, то это чертова свадьба, ведьма с сатаной венчается, или, по крайней мере, возится; а потому, если кинуть в вихорь этот нож, то он будет в крови. Чума летает уткой, а голова и хвост у нее змеиные. Не садиться по 13-ти человек за стол и не подавать другому соли; эти два поверья, как всякому известно, напоминают измену Иуды. Не дарить ни ножа, ни ножниц, не принимать булавок, разве уколоть слегка передателя, или отдать грош, т. е. купить вещи эти. Взяв от соседа прививку плодовую, или отводок, также должно положить около дерева копеечку, чтобы ветка хорошо принялась. Молодых супругов сажают на мохнатую шубу, в ознаменование привольной жизни; велят также стричь ребенка на шубе: богат будет; когда ребенок впервые пойдет, то черкнут ножом по земле между ног, что и называется перерезать пути. Если у ребенка долго зубы не режутся, то проколоть черному петуху гребешок, костяным или деревянным гребнем, и кровью помазать десны. Это поверье, принадлежа отчасти к разряду симпатических средств, конечно, придумано для того, чтобы успокоить встревоженную мать, при таких обстоятельствах, где человеческая помощь невозможна. Советуют также надевать ребенку ожерелье из рачьих жерновинок, носить фиалковый корень и проч. Пожар от грозы заливать парным молоком от черной коровы. Коли черная корова свечера впереди стада идет на село, то день будет ненастный, коли белая, ясный. Коли

корова перестанет доиться, то кто-нибудь из счастливых в семье, обыкновенно девушка или ребенок, должны выкупить ее у хозяйки или у коровницы, за грош; корова называется с того времени собственностью покупателя и будет опять доиться. Коли корова доится с кровью, что между прочим случается-де оттого, когда под брюхом у нее пролетит невзначай ласточка, то подоить ее сквозь обручальное колечко хозяйки; ласточка же пролетает под коровой в наказание за то, когда кто разорит у нее гнездо. Чтобы предупредить порчу свадьбы от недоброго кудесника, который-де не только сделает, что кони не пойдут со двора, но, пожалуй, оборотит и гостей и молодых в волков, все гости и поезжане опоясываются, сверх рубахи, вязаным, а не плетеным, пояском, в котором тьма узелков. Колдун ничего не может сделать, не развязав сперва всех узелков, или не сняв с человека такой пояс. Крестьяне рассказывают, что такие оборотни, т. е., волки, бывшие когда-то свадебными гостями, попадают; если подобного зверя убьешь, то на нем, к крайнему удивлению всех крещеных людей, найдешь под шкурой красную рубаху, - но только без опояски! Так дорого можно поплатиться иногда за небольшую оплошность! Есть поверье, что ворон купает детенышей своих в великий четверток, и приносит для этого воду в гнездо свое в выеденном яйце. Ворон, ворона, грач, сыч, сова, филин, пугач, иногда также сорока и кукушка, - почитаются зловещими птицами, и притом не только у нас, но почти повсюду. Если ворон и филин кричат, сидя на кровле, то в доме быть покойнику. Ночные птицы получили прозвание зловещих, конечно, за дикий, неприятный крик, который, среди глухой ночи, иногда чрезвычайно неприятен; так наприм., пугач, большой лесной филин, завывает точно как человек, зовущий отчаянно на помощь; а иногда, как ребенок; иногда хохочет, стонет или ржет. Нет сомнения, что пугачу надобно принять на свой счет большую часть того, что рассказывают о лешем. Суеверы носят при себе когти филина, чтобы отвратить от себя зло. Ворон, ворона, сорока, грач, вероятно, попали в этот разряд, как полухищные, жадные к падали и до нестерпимости крикливые, вешуньи. Иногда загадывают, сколько лет кому жить, и считают, сколько раз кукушка кукукнет. Отчего вообще птица, залетевшая нечаянно в покой, особенно воробей, предзнаменует бедствие, смерть в доме и проч., этого объяснить не умеем; но птичка, залетевшая в чистом поле прямо в руки, а равно и гнездо, свитое где-нибудь в доме, бывает, как думают, к добру. Не велят бранить пойманного сома, хотя это для рыбаков не находка, страшая тем, что водяной черт за такую брань отомстит. Ласточку, голубя, пигалицу и синичку, по мнению народа, бить грешно, за это бывает падеж на скот. Есть еще поверье, что если собаки ночью воют или когда они роют норы, то будет в доме покойник. Много раз уверяли тут и там люди, что собаки, лошади или другая домашняя скотина предчувствовали, предугадывали смерть хозяина, и что животные показывали это воем, мычаньем, ржаньем, ночным топотом, необычайною пугливостью, страхом и проч. Там, где подобное предчувствие относится до внезапной, насильственной, смерти, оно во всяком случае необъяснимо, а потому уже слишком невероятно; но нельзя оспаривать возможности того, чтобы какое-либо животное не могло чувствовать, не знаю каким чутьем или чувством, невидимой для нас перемены, происшедшей с таким человеком, который по состоянию своего здоровья не может прожить более известного и весьма короткого срока, который обречен уже тленью, носит в себе ничем не утолимый зародыш смерти, и поэтому самому, может быть, в испарине своей, или Бог весть как и где, представляет для некоторого рода животных нечто особенное и неприятное. Я не утверждаю всего этого; я только не отвергаю такую возможность. Опытные врачи, фельдшера, сиделки и хожалки видят иногда по первому взгляду на больного, что его спасти нельзя. Иные утверждают даже, что слышат это чутьем, по испарине; почему же другое существо, или животное, не может видеть или слышать то же самое, но только еще гораздо ранее, может быть, накануне, или даже несколькими днями прежде нас? Как объяснить себе чутье, которое безошибочно указывает собаке, что на таком-то месте пробежал заяц, причем собака еще знает, до какой степени след этот свеж, и что всего мудренее, в какую сторону заяц пробежал, взад или вперед?

Есть чисто шуточные поверья, или лучше сказать, просто, шутки, в кои однако же иные свято верят; наприим., когда стоят жестокие морозы, то должно с вечера насчитать 12 лысых, поименно, назвав последним самого лысого, у которого голова как ладонь, от бровей до затылка: на нем мороз лопнет. Когда в бане моют барчонка, то приговаривают: Шла баба из-за моря, несла кузов здоровья; тому, сему кусочек, тебе весь кузовочек; а когда окачивают водой: С гоголя (гуся) вода, с тебя худоба; вода б книзу, а сам бы ты кверху; сороке б тонеть, а тебе бы толстеть, и проч. Девиц умывают с *серебра*, чтоб была девушка бела и богата; это называется умыться водой, в которую, при первой весенней грозе, брошена серебряная ложка. Чтоб быть белой и чистой, девушки моются также первым снегом, с кровли бани. Если все девочки родятся, то в этот год войны не будет; если ребенок наперед станет говорить папа, а также если младенец родился с косичкой, то вслед за ним родится сын; а если заговорит мама, то дочь. Сидеть между двух сестер или братьев, значит вскоре жениться, или замуж выйти. Правая ладонь чешется - отдавать деньги, левая - получать; локоть чешется - на новом месте спать; переносье чешется - о мертвом слышать; кто щекотлив, тот и ревнив; за первым вешним громом выбежать умыться дождевой водой, с золотым кольцом на пальце, или ухватиться за карман, в котором деньги, что делают также, увидав молодой месяц, и сказать, при *деньгах!* - богат будешь. Если зеркало поднять над головой, так, чтоб в нем отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней. Эта шутка основана на том, что при таком косвенном отражении месяц в зеркале точно двоит и, пожалуй, иногда семерит. Если волосок из ресниц вывалится, положить его за пазуху, будет подарок. У кого редкие зубы, не будет долго жить. Если забывшись ляжешь спать в одном чулке, то приедет тот, кого ждешь. Если булавку на полу увидишь к себе головкой, то это хорошо, а к себе острием, худо. Если брови свербят, будешь глядеть на потных лошадей, т. е., принимать гостя; выщербленные деньги обещают прибыль, и поэтому их должно хранить в кошельке. Когда у детей падают зубы, то велят стать тылом к печи, закинуть зуб через себя и сказать: мышка, мышка! на тебе костяной зуб, а мне дай железный; или: на тебе репяной зуб, а мне костяной. Смешное и глупое поверье, что икота есть беседа души с небом вероятно также было сначала неуместной шуткой; кому икается легко, того добром поминают, а при тяжелой икоте, за глаза бранят. Когда лошадь дорогой распряжется, то что-нибудь дома нездорово, либо жена изменила, если сам хозяин в дороге. Если мышь попортит часть свежего товара, то купцы утешаются тем, что товар от этого скоро и хорошо с рук пойдет. Если кто в беседе скрестит незаметно ноги, нога на ногу, то от этого последует всеобщее молчание. Если кто плюнет себе на платье, то это означает, что скоро будет обнова. В новый год должно надеть обновку; тогда их много будет в течение года. Другие толкуют, что плюнуть на себя, значит терпеть напраслину. Кто ущемит платье в дверях, выходя из дому, тому скоро в этот же дом возвратиться. Если из вязанки дров вывалится полено, то будут гости. Кто поперхнетя в разговоре, тот хотел соврать; кто поперхнетя первым глотком, к тому спешит обеденный гость. Обнову предвещает и то, когда собака, став перед кем, потянется. Если уши горят, то заглазно над тобой издеваются; если в ушах звенит, то загадывают что-нибудь и спрашивают: в котором ухе? когда отгадают, то загаданное сбудется. Если в беседе чихнешь, то это подкрепляет истину того, что говорится. Кроме того, иные говорят, что чихнуть в воскресенье, значит в гостях будешь; в понедельник, прибыль будет; во вторник - должники надоедят; в среду, станут хвалить; в четверг, будешь сердиться; в пятък, письма или нечаянная встреча; в субботу, о покойнике слышать. Если у женщины, при одевании юбки, подол случайно загнетя, то предсказывают ей роды. Если каша или пирог-баба подымется из горшка и наклонится в печь, то к добру; если же из печи, то к худу. Если кузнечик кует в доме, то иные уверяют, что он выживает из дому. Счастливый сын походит на мать, а счастливая дочь на отца. Самовар играет, гостей зазывает, кто мимо пойдет, зайдет. Невзначай свечу погасить - нежданный гость. Булавочка из наряда молодой хранится подругами и обещает счастье, а девушке скорое замужество. Свеча грибком нагорела - будет письмо, и с той стороны, куда нависла. Если шутка эта не в связи с поверьями о ведьме, то она

просто придумана для потехи; но я знал помещиц, кои читали Сю и Занда, а строго придерживались помела и кочерги. Кто невесел, с утра брюзжит, встал левой ногой с постели. Кто утрет лицо первым яичком рябенькой курицы, у того не будет веснушек. Руки горят - бить будешь; руки стынют - кто-нибудь тебя злословит; если мужчина белоручка, то невесте его не быть красавицей; нагорела свеча - долгоносая невеста; кошка умывается, сорока у порога скачет, самовар поет, полено дров из беремени повалится, нечаянно свечу погасить, все это значит: будут неожиданные гости. Теплая или холодная лапа у кошки означает добрых или недобрых гостей. Чулок или рубашку наизнанку надеть, потерять подвязку, остегнуться пуговкой - пьян или бит будешь. Не строить нового дома под старость, не шить обнови, в особенности белья, иначе скоро умрешь; эти поверья, может быть, частью придуманы наследниками, чтобы удержать стариков от безрассудного мотовства, а может быть, возникли и оттого, что, затеявая житейское, старику и старушке поневоле приходит в голову близкий конец их, а это, для многих, воспоминание неприятное. Кроме того, весьма нередко случается, что, затеяв под старость обшиваться и строиться, человек умирает, не покончив дела, и это в таких случаях служит подтверждением суеверью. Я знал в Москве старушку, богатую вельможу прошлого века; она уже лет 20 не шила на себя белья, ни за что не соглашалась к этому, считала всякого, кто ей о том говорит, смертным врагом своим, и ходила в таком белье, на котором, кроме подновляемых по временам заплаток, не оставалось ровно ничего.

ХІІІ. БАСНИ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ

Поэтические поверья переходят непосредственно в басни, притчи или иносказания; не менее того, по невежеству иногда принимаются в прямом смысле и многие верят слепо тому, что придумано было для одной забавы. К этому числу принадлежат: поверье о том, что медведи были некогда людьми, к чему конечно подала повод способность медведя ходить на двух ногах и поступь его, всей плюсной, по-человечьи; люди эти жили в лесу, ни с кем не знали и были не хлебосольны, не гостеприимны. Однажды зашел к ним какой-то благочестивый старец, постник и сухоядец, и постучавшись тщетно сподряд у всех ворот прошел все село из края в край, отряс прах с ног своих и проклял недобрых хозяев, велел им жить отныне в берлогах. Собака, по такой же сказке, также была человеком; но обращена в пса за обжорливость свою. Пчела просила себе смертоносное для человека жало; оно дано ей, но только с обратным условием: оно смертоносно для нее же самой. Известный древний мудрец, начальствовавший всеми животными, послал ворону, которая случилась у него на вестях, чтобы она привела лучшего певчего: старику хотелось уснуть под сладкие песни. Но он уснул, не дождавшись песен, и проснулся в испуге от страшного карканья; ворона привела ему целое гнездо вороненков, извиняясь тем, что лучших певчих нельзя было сыскать во всей поднебесной. Есть даже несколько длинных и довольно складных сказок, принадлежащих сюда же, как напр., сказка о Георгии храбром и о волке; Езопова басня о кура и лисе, которая известна едва ли не у всех народов; равно и сказка о Лисе Патрикеевне, которая морочит волка, медведя и многих других животных, промышляя на их счет. Эта замечательная сказка, отысканная в древних рукописях на французском и немецком языках, живет донныне в преданиях всех почти европейских народов и пересказывается между прочим также у нас, на Руси и на Украине, с небольшими только отменами против той, которую обработал Гете.

Есть поверье или рассказ о том, что означают видимые на луне пятна: туда посажены навсегда братоубийца и жертва его, в том самом положении, как преступление было совершено: и воображение народа видит на луне двух людей, из коих одни закалывает другого вилами. Другие уверяют, что это Каин и Авель.

О ласточках говорят, что они чириканьем своим предостерегали Спасителя от преследователей Его, а воробьи продали Его, крича: *жив, жив*, за что у воробьев

ноги связаны невидимыми путами и птица эта не может переступить, а только прыгать. Есть также предание, что ласточки крали у римлян гвозди, коими распинали Христа, а воробьи отыскивали их и опять приносили. Поэтому ласточек, по народному мнению, грешно бить или разорять их гнезда.

О громе говорят, что это Илья пророк ездит по небу в огненной колеснице, поражая стрелою диавола, а тот прячется за людей. Суеверие это подтверждается частью находимыми в песчаных местах громовыми стрелами, похожими с виду на минерал, известный под названием *чертов палец*. Дело в том, что от удара молнии в песок действительно он сплавляется, в виде сучковатых сосуллек. Стрелы эти между прочим окачиваются водой, коею поят больных, от колотья.

Зеркало, как дивная для простолюдина вещь, подало раскольникам повод к особой сказке: какой-то пустынный, не устояв противу соблазна диавола, возмечтал о себе столь нелепо, что вздумал свататься на какой-то царской дочери. Царевна, по девичьим причудам, отвечала: если он достанет мне ту вещь, которую по всему царству не могли найти, вещь, в которую бы я могла видеть себя чище чем в воде, то выйду за него. Пустынный пошел стараться и наткнулся путем на порожнюю избушку, в которой черт отозвался ему, сказав, что попал в рукомойник, заперт и заговорен в нем каким-то стариком, и что готов отслужить какую угодно службу тому, кто его выпустит. Порядившись с ним на ту затейливую вещь, которую требовала царевна, пустынный снял деревянный крест, которым накрыт был глиняный всячий рукомойник; черт выскочил, встряхнулся, сделал и подал старику зеркало, которое этот отнес царевне. По словам некоторых, он женился на ней, но был наказан тем, что видел всюду двойника своего, который не давал ему ни днем, ни ночью покоя и замучил его до смерти; а по словам других, старик покаялся до свадьбы, смирился и ушел навсегда опять в пустыню. По сей причине у раскольников и поныне зеркало есть вещь запрещенная, созданная дьяволом.

В местах, где есть мамонтовые кости, жители не знают и не могут постигнуть, чтобы это были остатки допотопного животного; а потому и сложили повесть о подземном слоне, который живет и роется всегда под землей как крот, никогда не выходит наружу, а только по смерти своей случайно попадает, потому что земля изрыгает кости его. Предание о волотах или великанах и о находимых костях их, без всякого сомнения, также основано на ископаемых костях различных животных.

Беда не по лесу ходит, по людям, а как пойдет беда, растворяя ворота, никогда-де одной бедой не кончится. Это поверье основано на случайностях, служивших поводом к изобретению его. Но есть кроме того поэтическое поверье в *бедовиков*, несчастных на все руки, или *бедокуров*; к чему бы такой человек ни прикоснулся, от этого ожидают только худого; его жалеют, его не хотят обидеть, но всяк сам себе ближе, и бедняка не менее того выпроваживают за порог, если он куда зайдет, не держат в одной рабочей артели, не дают никуда приткнуться, даже не смеют подать помощи, опасаясь вреда для себя и для других. Жалкое заблуждение это так упорно, что его иногда ничем нельзя победить.

Привязанность к прадедовским обычаям, от коих так трудно отстать народу, и страсть рядиться и красоваться, подавали в купеческом сословии нашем повод к забавным явлениям: так напр., купчиха, не устоявшая противу искушения одеваться заживо в немецкое платье, успокаивала совесть свою завещанием, чтобы ее похоронили в русском сарафане.

В числе сказок о нечистом находим также определение различия между многими именованьями его: черт *смуцает*, бес *подстрекает*, дьявол *нудит*, сатана *творит лживые чудеса*, для соблазна.

Есть сказка о блаженных островах Макаийских, где сытовые реки, кисельные берега, или молочные реки, медовые берега; девка выйдет, одним концом коромысла ударит, готовый холст поденет; другим зачерпнет, нитки жемчугу вытянет; стоит там и береза золотые сучья; и корова, на одном рогу баня, на другом котел; олень с финиковым деревом на лбу, и птица сирий, иначе райская, перья непостижимой красоты, пение обаятельное, лик человеческий, и пр.

Поверье о неразменном или неизводном рубле, который можно достать у

нечистого, продав ему на перекрестке в полночь жареного в перьях гусака, рассказывается различным образом и принадлежит к тем же сказочным вымыслам, принимаемым тут и там за наличную монету, и также распространено у различных народов, напр., в Германии.

В числе так называемых лубочных картин, которые ныне уже начинают делаться редкостью и без цензуры не печатаются, есть, кроме изображения помянутого сирина, известная *космография*, где расписаны все баснословные, сказочные страны, люди с песьими головами, блаженные острова Макарийские и много других чудес. Об этом листе была помнится когда-то статья в "Телеграфе". На другом листе находим мы изображение людей дивных или диких, найденных Александром Македонским внутри гор Рифейских: это люди одноногие, трехрукие, одноглазые, двуногие и пр. Все они выходят навстречу герою-победителю, коему предшествует пеший ратник в полном вооружении.

Всем известно довольно загадочное явление, что в Москве нет сорок; народное поверье изгнало их за 40 верст из Москвы; но они есть гораздо ближе, хотя, сколько мне известно, никто не видал, чтобы сорока залетала в самую Москву. На это сложено несколько поэтических сказок; Москва основана на том месте, где убит боярин Кучка; его предала сорока неуместным стрекотаньем своим, когда он спрятался под кустом; он ее проклял умирая и сороки исчезли оттуда навсегда. Другие говорят, что сорока унесла с окна последний кусок сыра у одного старца, удобного небесам; он ее проклял за это и изгнал из округа.

Третьи сказывают, и это предание сохранилось в народных песнях, что Маринка Мнишек, будучи ведьмой, перекинулась в сороку, когда пришлось ей худо, и вылетела из окна терема своего; за это сорока была проклята в то время и не смеет явиться в Москву.

Есть еще довольно сложное и старинное поверье о *василиске*, который родится из петушьего яйца. Заметив, что курица иногда сдуру силится запеть петухом, люди из этого заключили, что и петух может иногда прикинуться курицей и снести яичко. Это яйцо кругленькое, маленькое, называется *спорышок*, и в сущности есть не иное что, как выносок куриный, т. е. уродливое яичко, как говорят, последнее, когда курица перестает нестись. Народ иногда утверждает, не знаю по каким приметам, что это яйцо петушье: что петухам во сто лет разрешено снести одно только такое яйцо; а если девка поносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск. Об этом василиске есть множество рассказов: он делается оборотнем, или соединяется с злым человеком, с колдуном, и невидимо в нем живет; он вообще исполняет все приказания мачехи своей, выносившей его под мышкой, приносит ей золото, мстит за нее тем, на кого она зла, дает ей разные вести и пр. Может быть, поверье или сказка эта в связи с преданиями о сожительстве женщин с нечистым духом, со змиями огненными, летучими и другого разбора. Ведьма, по мнению некоторых, есть именно плод подобного супружества, а сказка о Тугарине Змеевиче и ей подобные суть уродливые порождения разгула народного воображения, настроенного на этот лад. Кирша Данилов рассказывает один из подобных случаев, о рождении Волхва Всеславича такими словами: "По саду саду, по зеленому, ходила, гуляла Молода княжна Марфа Всеславична: Она с камня скачила на лютаго на змея - Обвивается лютый змей около чобота зелен-сарафьян, Около чулочка шелкова, хоботом бьет по белу стегну... А в ту пору княжна понос понесла... А и на небе просветил ясен месяц. А в Киеве родился могуч-богатырь, Как бы молодой Волхв Всеславьевич: Подрожала мать-сыра земля, Стряслось словно царство индейское, А и сине море всколебалось Для ради рожденья богатырского..."

У нас осталось еще предание, в поговорке: *обвести мертвою рукою*. Суеверие говорит, что если сонного обвести рукою мертвеца, то человек спит непробудным, мертвым сном. На этом основании, воры нашивали с собою руку мертвеца, и вломившись тихонько в избу, усыпляли этою рукою, по убеждению своему, тех, кого хотели обокрасть. К сожалению, даже и новейшее суеверное мошенничество прибегало изредка к этому средству, и воры разрывали для этого могилу.

Русские литейщики, собираясь отлить какую-нибудь значительную вещь, напр.,

колокол, стараются отвлечь внимание праздной и докучливой толпы от своей работы какою-нибудь новостью, выдумкой или вестью, которую молва пускает по городу. Мастера уверены, что отливка от этого лучше удастся и в колоколе не будет пузырей.

Таким же точно образом тщательно скрывают день и час родов, отвлекая иногда внимание соседей какими-нибудь сказками и заставляя даже домашних отлучиться на это время, под произвольно придуманными предложениями. Этот обычай впрочем полезен, потому что всякий лишний человек при подобном деле помеха. По той же причине родильниц уводят тайком в баню, чтобы избежать в тесном доме помех и свидетелей; но топить в это время баню и душить роженицу на полке, в страшном жаре, есть обычай невежественный и вредный.

XIV. ПРИВИДЕНИЯ

Все поверья о привидениях, мертвецах и вообще о взаимных сношениях двух миров, видимого и незримого, вещественного и духовного, составляют смешанный ряд преданий и рассказов, принадлежащих, может быть, ко всем видам принятого нами разделения поверий. Эта статья до того обширна, что из нее можно бы составить десятки томов; постараемся объяснить на нескольких страничках.

Под словом *видение* разумеем мы такое явление, такой видимый предмет, который предстал глазам нашим необыкновенным, сверхъестественным образом, т. е. необъяснимым, по известным нам доселе законам природы. Подразумевается, что человек видит явившееся не во сне, а наяву; что сверх того, видение это, по крайности, большею частью не вещественно, неосвязаемо для рук, хотя и видимо для глаз; словом, что оно занимает какую-то неопределенную средину между плотским и бесплотным миром. Видения эти большею частью основаны на явлении тени или духа, как выражаются, т. е. человека, уже отошедшего в вечность и снова принявшего плотский, видимый образ, и в этом-то смысле видение получает более точное, определительное название *привидения*. Впрочем, есть и видения другого рода, бесконечно разнообразные, как самое воображение человека.

Ум, разум и рассудок наш решительно противятся тому, чтобы допустить возможность или сбыточность видений. Частного, таинственного свидетельства небольшого числа людей слишком недостаточно для изнасилования нашего здравого ума и для вынуждения из нас веры, вопреки убеждению; мы слишком хорошо знаем, что чувства наши и воображение несравненно легче и чаще подвергаются обману, чем здравый смысл наш и рассудок. В деле такого рода, конечно, вернее видеть и не верить, чем верить не видавши. Мы не смеем утверждать, чтобы душа наша ни под какими условиями не могла войти в духовные связи с бесплотным миром, не смеем потому, что у нас нет к тому достаточных доказательств. Но спросим, могут ли сношения эти сопровождаться признаками вещественными? Каким образом душа, коей брэнная плоть несомненно давно уже истлела, может облечься снова в ту же плоть, уничтоженную всевечными законами природы? А каким же образом плотское око наше может принять впечатление от чего-либо не вещественного, т. е. для него не существующего? Если допустить даже, что душа может быть приведена особыми обстоятельствами в восторженное состояние, в коем делается независимую от пяти чувств и превышает времени и пространства, что она в ясновидении своем созерцает в настоящем и прошедшее и будущее, то все-таки этим еще не будет разрешена загадка: каким образом являющийся нам дух может вызвать из праха истлевшую плоть свою, или облечься в ее подобие?

С другой стороны, мы видим, что чувства наши беспрестанно подвергаются обманам. Например: не слышим ли мы иногда внезапно звук, звон, свист, даже имя свое, между тем как все около нас тихо, спокойно и никто не звал нас и не свистал? Не видим ли мы иногда, под дрему, или впотьмах наяву, или забывшись и крепко задумавшись, такие предметы, каких около нас нет? Это происходит от двояких

причин: какая-нибудь причина произвела волнение, переворот в крови нашей, от которого последовали на нервы зрения или слуха впечатления, сходные с действием зримого предмета или слышимого звука; тогда орган слуха или зрения передает впечатление это в общее чувствилище, и сие последнее бывает обмануто. В этом случае действие основано на вещественной, плотской половине нашего существа; но может быть и противный случай: воображение с такою живостью и убеждением представит себе какой-либо звук или предмет, что впечатления идут обратным порядком из общего чувствилища и до самых орудий чувств, производят там те же перемены, как и явления действительные, и мы опять-таки бываем обмануты.

Что сила воли и воображения производит в нас вещественные перемены, это доказать не мудрено, потому что мы видим это беспрестанно и на каждом шагу: вспомните только мнимобольных; кроме того, каждый из нас в состоянии силою воображения значительно участить биение сердца, если настроить себя умышленно, вообразив живо радость, гнев, беспокойство и пр. Также легко играть зеницей своей, расширяя и суживая ее по произволу, если, глядя на один и тот же предмет, воображать попеременно, что напрягаешь зрение для рассмотрения в подробности самого близкого предмета.

Бесспорно, что воображение наше сильно участвует во всех видениях. Вот почему люди нервические, или не привыкшие обуздывать своего воображения более дельным направлением, склонны к видениям. Вот почему мрак, или полусвет, опутывая зрение наше непрободаемыми тенетами, бывают всегдашними спутниками видений. Ночная тишина, где каждый малейший шорох раздаётся иначе и громче нежели днем; покой и сон, потемки, сумерки, одиночество, настроенное воображение, неприятное и непривычное положение человека, временно лишённого одного из главнейших чувств своих, зрения; наконец следующий за напряжениями тела и духа прилив крови к мозгу и к самым орудиям зрения, все это в совокупности олицетворяет перед нами безличное и неодушевленное, переносит картины воображения в окружающую нас туманную сущность. В других случаях мы обращаем грезы в видения; душа не распознает, при живости впечатления, минувшего от настоящего и также бывает обманута. Это в особенности часто встречается у детей, прежде чем они научаются различать сон от действительности; а как и взрослые весьма часто в том или другом отношении походят на детей, то и они нередко поддаются тому же обману.

Если видения, привидения, духи во плоти тени, призраки, живые мертвецы и пр. возможны, то многие из нас дали бы дорого за то, чтобы увидеть их и созерцать спокойным духом. Людей, кои постоянно видят разные видения или призраки, называют духовидцами. Есть особый род видений по сказанию очевидцев, это *двойники*, т. е., человек видит самого себя, и тут народное поверье наше о домовом, который-де иногда одевается в хозяйское платье, садится на его место и пр., совпадает с распространенным по всей Европе, особенно северной, поверьем о двойнике. Иногда видят его также другие люди, но обыкновенно видишь его только сам; для прочих он невидимка. Если двойника застанешь у себя в комнате, или вообще, если он предшествует человеку, идет наперед, то это означает близкую кончину; если же двойник идет следом за хозяином, то обыкновенно намерен только предостеречь его. Есть люди, кои, по их уверению, почти беспрестанно видят своего двойника, и уже к этому привыкли. Этот непонятный для нас обман чувств чаще встречается между людьми средних и высших сословий, чем в простом народе.

Загадочная вещь, в царстве видений, это вещественные призраки, сопровождающие, по уверению многих, такие явления. Сюда принадлежат, например, трещины, кои старая, сухая деревянная утварь дает внезапно, в предвещание бедствия, особенно смерти, или собственно в то мгновение, когда является призрак. В трещины эти, как в предвещание беды, верят почти все народы, и легко было бы набрать целые томы рассказней о подобных происшествиях. Вероятнее всего, однако же, что внезапная и неожиданная трещина, иногда среди тихой и спокойной ночи, подает собственно повод к тем рассказням, кои сочиняются бессознательно разгоряченным воображением. Допустив возможность предчувствия

в животных, в том смысле, как это было объяснено выше, мы однако же до крайности затрудняемся найти какую-либо связь между усыхающим от погоды стулом или шкафом и долгою дней его хозяина. Недавно еще я видел разительный пример такой случайности: старинная мебель прошлых веков, простояв столько времени спокойно, внезапно и без всякой видимой причины, начала лопаться с ужасным треском. Без всякого сомнения, воздушные перемены были причиной этому явлению, и если бы наблюдать за сим внимательно, то вероятно это могло бы служить указаниями метеорологическими, имеющими одну только общую и отдаленную связь с долголетием человеческого рода.

Я видел однажды милое, желанное видение, которое не стану ближе описывать, видел очень ясно, и не менее того, не только теперь, но даже и в то самое время очень хорошо понимал, как это случилось, и не думал искать тут ничего сверхъестественного. Воображение до того живо представило себе знакомый лик, что бессознательно олицетворило его посредством обратного действия на чувства, и очи узрели снаружи то, что изваялось на глубине души...

Я еще два раза в жизни своей видел замечательные привидения, и оба случая стоят того, чтобы их пересказать. Они пояснят несколько то, что сказал я об этом предмете вообще, то есть, что должно всякую вещь десять раз примерять и один раз отрезать!

Будучи еще студентом, я жил в вышке или чердаке, где печь стояла посреди комнаты, у проходившей тут из нижнего жилья трубы. Кровать моя была в углу, насупротив двух небольших окон, а у печки стоял полный остов человеческий - так, что даже и в темную ночь я мог видеть в постели очерк этого остова, особенно против окна, на котором не было ни ставень, ни даже занавески. Просыпаюсь однажды за полночь, во время жестокой осенней бури; дождь и ветер хлещут в окна и вся кровля трещит; ветер, попав видно где-нибудь в глухой переулок, завывает по-волчьи. Темь такая, что окна едва только отличаются от глухой стены. Я стал прислушиваться, где завывает так жестоко ветер, в трубе ли, или в сенях, и услышал с чрезвычайным изумлением совсем иное: бой маятника от стенных часов, коих у меня не было и никогда не бывало. Прислушиваюсь, протираю глаза и уши, привстаю, одно и то же; кругом все темно, холодно, сыро, буря хлещет в окно, а где-то в комнате, по направлению к печи, мерно ходит маятник. Одумавшись хорошенько и сообразив, я встал и начал подходить на слух, медленно, шаг за шагом, к тому месту, где ходит маятник. В продолжение этого перепутья, короткого по расстоянию, но долгого, если не по времени, то по напряжению чувств, я еще положительное убедился в том, что слышу не во сне, а наяву, что маятник ходит. Мерно, звонко, ровно, хотя у меня стенных часов нет. При едва только заметном сумеречном отливе против окон, ощупью и на слух, дошел я до самой печи и стоял еще в большем недоумении, носом к носу с костяком своим, коего очерк мутно обозначился против белой печи. Что тут делать и как быть? Маятник явным образом ходит в скелете; из него отдавались мерные удары, но движения не заметно никакого. Ближе, ближе носом к лицу его, чтобы рассмотреть впотьмах такое диво, как остов мой, с кем я давно уже жил в такой тесной дружбе, внезапно плюнул мне в лицо... Невольно отшатнувшись, я обтерся рукою и удостоверился, что все это было не воображение, а существенность: брызги, разлетевшиеся по лицу, были точно мокрые. Этим следовало бы кончить исследования и я попросил бы вас переуверить меня, что я ошибся, что все это было не то, и не так! Я стоял, все еще сложа руки перед постоянным товарищем, пялил глаза и прислушивался к мерным ударам маятника, который однако же вблизи стучал несколько глуше; но подумав еще немного и не видя ни зги, я безотчетно протянул руку и погладил череп по лысине: тогда я вздохнул и улыбнулся, все объяснилось. В кровле и потолке, подле трубы или печи, сделалась небольшая течь капля по капле, на лысую, костяную, пустую и звонкую голову моего немого товарища!

Другой случай состоял в следующем:

Сидя вечером в кругу товарищей, я сказал, как пришлось к слову, что робость и пугливость не одно и то же: первое может быть основано на опасении, поселяемом в

нас здравым рассудком; второе, напротив, есть склонность к страху безотчетному, а потому иногда и безрассудному; что, может быть, я иногда робок, но не пуглив, и не могу робеть, страшиться, или опасаться чего-нибудь, если опасение это не оправдывается моим рассудком. "Ну, ты в мертвецов веришь?" Верю в мертвых. "А в живых?" Нет, не верю. "Стало быть, и ни боишься их?" И не боюсь; впрочем, если бы я и верил в мертвецов по-твоему, то, и тогда еще не вижу, для чего их бояться. "А пойдешь ли ты в полночь на кладбище?" Пожалуй, пойду. "Нет, не пойдешь!" "Нет, пойду!" За спором дело стало, и решено было, чтобы мне идти, как пробьет полночь, одному на кладбище, отстрогнуть щепочку от креста и принести ее, и завтра всем вместе идти и примерить щепочку, для поверки дела.

Ночь была темная, до кладбища версты две, дорога под конец едва заметная; я сбился немного и не счел за нужное отыскивать торную дорогу, а пошел знакомым путем вперевал, по направлению, где против неба темнела едва заметно кладбищенская церковь. Прихожу ко рву, окружающему кладбище, перескакиваю его; ножичек у меня в руках и я хочу уже отстрогнуть щепочку от первого пошатнувшегося в сторону креста, но мне показалось, что завтра осмеют меня, скажут: рад, что добрался, небось, не прошел дальше! - и я стал подвигаться ощупью вперед, спотыкаясь между могил, ям, кустов, камней и разрушенных памятников. В это время, помню, родилось во мне двоякое опасение, ускорившее, при таких обстоятельствах, биение сердца и дыхание: первое, чтобы товарищи не вздумали подшутить надо мною и не сделали какой-нибудь глупости; второе, чтобы какой-нибудь сторож не принял меня за вора и не вздумал бы, выскочив внезапно сбоку, прежде всего поколотить меня порядком, чтобы, может быть, потом уже, за вторым приемом, допросить, кто я и зачем пришел. Первое опасение устранилось однако же тем, что сидевшие со мною товарищи не могли опередить меня на этом пути, а второе тем, что сторожа конечно теперь все спят и мне только не должно шуметь. Во всяком случае, я, скрепив сердце, дал себе слово быть спокойным, рассудительным и хладнокровным, не пугаться, что бы ни случилось. Глупое сердце продолжало стучать вслух, хотя, право, не знаю о чем и по что. Вдруг я слышу подземный глухой стук, удара два, три сряду. Я остановился: через несколько секунд повторилось то же, потом еще раз, а потом раздался слабый подземный стон или вздох. Все это, сколько я мог заключить, полагаясь на слух свой, происходило в самом близком расстоянии от меня и притом именно "под землей". После нескольких секунд молчания и нескольких шагов моих вперед, повторилось опять то же; но подземные удары были звучнее и до того сильны, что мне показалось, будто земля подо мною дрогнула; стон, довольно внятный, исходил из земли и бесспорно от мертвеца. Если бы я кончил похождение свое на этой точке, то уже и этого было бы довольно, и я бы конечно поныне мог бы вам только божиться по совести, что все это точно святая истина и действительно так со мною случилось... но дело зашло еще дальше: я опять подвинулся несколько шагов вперед, по тому направлению, откуда звук до меня доходил, прислушивался и все подвигался ощупью вперед, внезапно стук этот очутился почти подо мною, у самых ног; что-то охнуло, закашляло; земля вскрылась и расступилась; меня обдало, обсыпало землей, и мертвец в белом саване медленно потянулся из могилы, прямо передо мной, никак не далее двух шагов... Кончим на этом; примите от меня совестливое уверение, что все это случилось точно таким образом как я описываю, и скажите после этого, есть ли привидения и живые мертвецы, или их нет?

Я остановился и глядел во все глаза на мертвеца, у которого в руках увидел я, несмотря на потемки, заступ. Я не думал и не мог бежать, а стоял, растерявшись и не зная, что именно делать. Помню, что я хотел завести разговор с покойником, но по незнакомству с ним не знал, с чего начать, чтобы не сказать ему какой-нибудь глупости. К счастью, он вывел меня из этого тягостного положения, спросив сам первый: "Кто такой ходит тут, зачем?" Эти слова возвратили мне память и объяснили вдруг все. - Да я, любезный, не попаду на дорогу, сбился, от берега, где и канавы не заметил, и не знаю, куда выйти. - "А вот сюда ступайте, вот!" - Да ты что же тут делаешь? "Известно что, копаем могилу." - Для чего же ночью? "А когда же больше?

Как с вечера закажут, чтобы к утру готова была, так когда же копать ее, как не ночью?"

Вот все, что я по собственному опыту могу сказать об этом предмете. Я бы мог рассказать еще кучу подобных приключений, наприим., как один офицер искрошил в ночи саблей, вместо привидения, белый канифасный халат свой, висевший на гвозде, на который надета была еще и шапка; как привидения ходят за любовными приключениями, или просто на какой-нибудь промысел, пользуясь робостью хозяина; но все это известно и притом конечно ничего не доказывает; надобно каждому предоставить веру в собственное свое убеждение, которое однако же тогда только может иметь место, когда оно основано на собственном, безошибочном опыте и когда опыт этот, как в привиденных мною случаях, доведен до конца.

Недавно еще рассказывали мне, поставив и свидетелей, следующее: хозяин, прохаживаясь в сумерки в зале, услышал и увидел в окно, что на дворе прикатила карета четверней. Он заглянул в гостиную и сказал жене: приготовься принять гостей: кто-то приехал. Но как вес оставалось по-прежнему тихо и спокойно и никто не входил, то хозяин выглянул в переднюю: покойная бабушка его стояла там у дверей, но исчезла в ту же минуту; пол под нею треснул, а карета покатила со двора, по направлению к кладбищу. Иные прибавляли еще к этому, что посторонние люди видели, как карета исчезла в самой ограде погоста. Что прикажете сделать из такого рассказа? Если бабушка могла воротиться с того света, то где и как успела она собрать всю упряжь свою, карету, лошадей и кучеров, которые, конечно, не были ею взяты с собою на тот свет? Не короче ли предположить, что добрый хозяин, внук или сын, задумался о бабушке, которой с недавнего времени не стало в доме, и что он увидел ее не плотскими глазами своими, а оком души?

О двойниках, предвещающих кончину, говорят почти всюду и во всех землях. Известно, что горным шотландцам приписывают способность видеть двойников в высшей степени. Если объяснить явление это языком магнетизеров, то явление двойника значит, что душа наша получила возможность, как бы отделившись от тела, созерцать его вне себя, со стороны. Это довольно темно, и хотя и несколько понятнее, чем явление покойников.

Может быть, некоторые читатели слышали, что рассказывают многие из современников наших, как очевидцы, о смерти довольно известного в кругу своем человека. Он был начальник учебного заведения; дети в хороший зимний день, кажется, в сочельник перед Рождеством, бегали по саду, где лежал глубокий снег и были расчищены только три дорожки, в виде П. Несколько молодых людей сидели на скамье и, увидав подходящего к ним со стороны здания начальника, привстали; он прошел, но не успели они оглянуться, как увидели его вторично, идущего тем же путем, по тому же направлению, тем же мерным шагом и точно в таком же положении. С крайним изумлением они снова ему поклонились; он поздоровался с ними и обошел кругом дорожек. Двойники так быстро прошли один за другим, что не было никакой возможности допустить, будто старик сделал круг и обошел вторично. Дети изумлялись и перешептывались весь день; что происходило в душе старика, никому не известно; но он на другой же день в каком-то припадке лишил себя жизни. Случай этот весьма замечателен тем, что несколько посторонних свидетелей единогласно утверждают сказанное нами и убеждены в том, что сами видели двойника. При таких обстоятельствах остается только пожать плечами и предоставить дело на совесть каждого.

XV. КЛАДЫ

Сюда же, к этому же разряду поэзии народной и игры воображения принадлежит целый ряд сказок и поверьев о цвете папоротника, который-де цветет ночью на Иванов день. Этот небывалый цвет (папоротник тайниковое, бесцветное растение) почитается ключом колдовства и волшебной силы, в особенности же для отыскания кладов: где только зацветет папоротник в полночь красным огнем, там

лежит клад; а кто сорвет цвет папоротника, тот добыл ключ для подъема всякого клада, который без этого редко кому дается.

Предмет этот, о кладах, богат поверьями всякого рода. С суевериями о кладах связывается и много сказок и преданий; у каждого края свой герой или разбойник прежних лет, коему приписываются все находимые и искомые клады. В восточных губерниях клады принадлежат Пугачеву, на Волге - Стеньке Разину, на Украине - Гаркуше, в средней России - Кудеяру и проч. Клад вообще не всякому дается; хозяин клада, по смерти своей, бродит тихо вокруг и бережет его сторого и чутко: либо вовсе не найдешь, либо и найдешь, да не возьмешь, не дастся в руки; не подынешь по тяжести; обмираешь, как тронешь, ровно кто тебе руки и ноги перебьет; кружишь на этом месте и не выйдешь, ровно леший обошел, поколе не положишь клад опять на место; или, если клад под землей, в подвале, глубокой яме, то взявший его не вылезет никак, перед тобою земля смыкается, железные двери с запорами затворяются; либо выскочит откуда ни возьмись невидимка, схватит и держит на месте, покуда не выпустишь из рук клада; либо навалится на плечо ровно гора, так что и языка не повернуть; либо ноги подкосятся, либо станут, упрутся, словно приросли к земле; или, если и возьмешь клад и унесешь, то сколько ни носишь его домой, берешь золото, а принесешь черепки; или же, наконец, возьмешь, да и сам не рад; вся семья сподряд вымрет. Все это оттого, что клад кладется *со свинцом* или с зарокон, что клад бывает всегда почти заповедный и дается тому только, кто исполнит зарок; избавляет же от этой обязанности только цвет папоротника или разрыв - прыгун - скакун - плакун - или срыг - трава, железняк или кочедыжник; папоротнику и плакуну повинуются все духи, а прыгун ломает замки и запоры, побеждая всякое препятствие. Иногда клад бродит не только свечой, огоньком, но даже каким-нибудь животным или человеком; если, догадавшись, ударить его наотмашь и сказать; аминь, аминь, рассыпья, то перед тобою очутится кубышка с деньгами. Во время выемки клада всегда приключаются разные страсти, и черти пугают и терзают искателя, брать взаймы у клада иногда можно, если он даст, но к сроку принеси, иначе постигнет беда большая. Можно также менять деньги у клада и при этом даже иногда обсчитывать его, положив то же число монет, меньшей ценности.

У нас почти всюду есть много рассказов и преданий о кладах, а Саратовская губерния, где волжские вольницы зарывали когда-то свои награбленные богатства, едва ли не богаче прочих подобными воспоминаниями. Мы упомянули, что клад кладется "со словцом" или "по завету:" это значит, что кто его зарывает, тот должен во все время причитывать вслух, какой зарок на него кладет: напр., семидневный пост, а затем рыть голыми руками на молодой месяц; или на разрыв-траву и проч. Один человек зарывал клад, приговаривая: "натри головы молодецких"; стало быть, клад не дастся никому, если не поклонится ему тремя головами молодецкими; а другой бродяга, сидя случайно тут же в дупле, подслушал его и переговаривал каждый раз: "на три кола осиновых". Клад слушается всегда последнего заговора; посему, когда хозяин ушел, а подсидевший его вырубил три осиновые кола и поклонился ими кладу, то и взял его преспокойно. Есть также заговоры, во всем похожие на прочие заговоры. как для укладки клада, так и для развязки его.

В одном месте Рязанской губернии, где исконное поверье искало кладов, уверяя, что целовальник рязанский встретил земляка в Сибири, в ссылке, и узнал от него тайну нескольких кладов, получив и запись с приметам, где они лежат, люди с седыми бородами рассказывали вот что: "Я рубил в лесу жерди, привязав лошадь к дереву; вдруг вижу под деревом высыпан из земли и уже порос травой и мохом крест; я вспомнил, что это была одна из примет, и выхватил топор, чтобы натюкать на деревьях зарубки; вдруг как понесет моя лошадь, сорвавшись, как загремит, я за ней, за ней, а она дальше, дальше, затихла и пропала; я воротился, а она стоит привязанная, где была, а места того, где высыпан крест, не нашел, хоть сто раз был опять в лесу да искал нарочно." Другой рассказывал так: "И я по дрова ездил, да нашел на знакомом месте, где сто раз бывал и ничего не видел, погреб: яма в полчеловека, в пояс, а на дне устлана накатом, который уже порос травой и мхом, да

кой-где доска прогнила, провалилась. Подумав немного и оглянувшись, да спознавшись еще раз на месте, я спустился в яму; только что я было припал, да стал заглядывать в провалы, как меня хватит кто-то вдоль спины хворостиной, так я насилу выскочил да бежать, а он все за мной до самой дороги! Я на другой день показывал хозяйке своей синевицы на спине."

Третьему рязанцу посчастливилось лучше: он без больших хлопот у себя дома под углом нашел съеденный ржавчиной чугунок, в коем было с пригоршню серебряных монет. Их купил г. Надеждин, а описал г. Григорьев, в Одессе; это были замечательные арабские монеты IX-XI века.

Весьма нередко клад служит защитой для скрываются важных преступлений. В одной из подмосковных губерний у помещика был довольно плохой, в хозяйственном отношении, крестьянин, один из таких, кому ничего не дается: хлеб у него всегда хуже, чем у прочих; коли волк зарежет телят, либо порвет жеребенка, так, верно, у него же; словом, и скот не держится, и счастья нет, и ничем не разживется. По этому поводу, помещик посадил его в постоянный двор, или в дворники, для поправки хозяйства. Впрочем, это был мужик смирный, трезвый, и худа никакого за ним не слыхать было.

Вскоре он точно поправился, и даже слишком скоро. Он уплатил долги, купил скота, стал щеголять, наряжать жену в шелк и проч. Помещику это показалось подозрительно, и, после строгих допросов, на основании разнесшихся слухов, дворник признался, что ему дался клад: "Я вышел ночью, услышав проезжих извозчиков, и увидел за оврагом, по ту сторону ручья, в лесу небольшой свет. Я спустился, подошел тихонько и вижу, что два человека с фонарем делят меж собою клад. Увидав меня нечаянно, они было хотели бежать, после хотели убить меня, а, наконец, поделились со мною, отсыпав мне полную шапку целковых, с тем, чтобы я никому ни слова не говорил." Все это, конечно, много походило на сказку, тем более, что мужик сбивался и не мог дать толком отчет, когда заставили его показать на месте, где именно вырыт клад; но других подозрений не было, молва уверяла, что дворник разжился от клада, сам он сознался в том же, и дело было оставлено.

К осени барин хотел перестроить постоянный двор, который был плох и, в особенности, тесен и неопрятен, но дворник под разными предлогами отговаривал барина, да и вперед, когда об этом заходила речь, убеждал его не трогать двора, каков он есть. "Что мне, говорил он, в господах - я господ не люблю пускать; за ними только хлопот много, а выгоды нет никакой: стаканчик сливок возьмут, да раз десять воды горячей поставить велют, да целую половину и займут; я, благодаря Бога, разжился от извозчиков, которые берут овес да сено; а с них будет и этой избы; им где ни свалиться, только бы лошадь накормить."

Удерживая такими уловками барина от перестройки двора, мужик через год или два умер. Весь околосок знал, что он разбогател от клада, и во всякой деревне рассказывали по-своему, как это случилось; но барин приступил к перестройке избы и совсем неожиданно нашел клад другого рода: под печью, едва прикрытые землей, лежали два человеческие остова с проломленными черепами.